

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

30 октября» обратилась к мемориальцам с вопросами об их отношении к поправке в Конституцию РФ об «обнулении» сроков президентства Путина, к последним событиям в Беларуси и новому приговору Юрию Дмитриеву, а также о том, как повлияла пандемия на их деятельность, а также о том, как повлияла пандемия на их деятельность и планы мероприятий 30 октября.

МИХАИЛ РАДОХЛЕБ, КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

«Тут не до политики, лишь бы хоть как-то выжить. И все понимают, что никакие поправки к Конституции не улучшат жизнь народа»

ЮРИЙ ПАСТУХОВ, БИЙСК

«Беда Лукашенко в том, что ему нужно было почаще встречаться с оппозицией. Договариваться нужно, а не устраивать митинги, да применять силу для подавления демонстрантов. Разжигать костер ненависти легко, тушить трудно»

МИХАИЛ РОГАЧЕВ, СЫКТЫВКАР

«То, что произошло 29 сентября, когда Верховный суд Карелии вынес новый приговор Юрию Дмитриеву, можно назвать судебным беспределом. Случилось непредвиденное — человека осудили за сфальсифицированное уголовное дело. Это было политическим судилищем, это было беспрецедентно даже для российских судов»

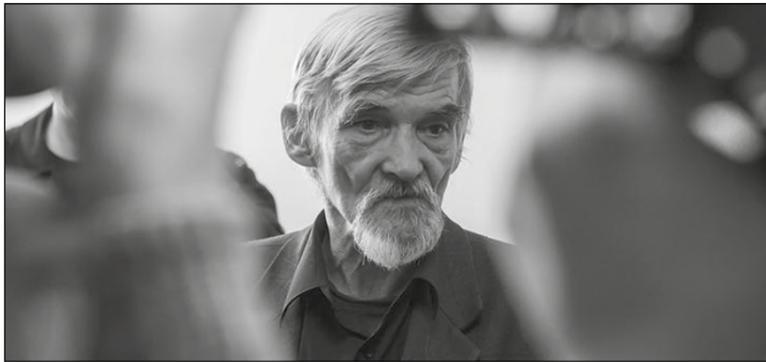

ТУРЧЕНКОВА ЛИЛИЯ, СМОЛЕНСК

«Приговор Дмитриеву равносителен расстрелу. <...> Если общество сейчас никак не отреагирует на это, все мы попадем вновь во враги народа»

Подробнее на с. 2

МЕСТЬ СИСТЕМЫ О ПРИГОВОРЕ ЮРИЮ ДМИТРИЕВУ

29 сентября Верховный суд Республики Карелия вынес новый приговор Юрию Дмитриеву — 13 лет колонии строгого режима по статье о насильственных действиях сексуального характера в отношении несовершеннолетней (ч. 3, 4 ст. 132 УК РФ). Предыдущий приговор предусматривал наказание в виде 3,5 лет лишения свободы. С учетом времени, проведенного в СИЗО, Дмитриев должен был выйти на свободу уже в ноябре.

Апелляцию в ВС Карелии подавали и сторона защиты, и сторона обвинения. Прокуратура требовала как раз 13 лет колонии. Защита настаивала на полном оправдании историка.

16 сентября, когда должно было состояться рассмотрение апелляции, адвокат Дмитриева Виктор Ануфриев обратился к суду с ходатайством отложить заседание до 28 сентября из-за болезни — чтобы он мог бы лично присутствовать в суде и представлять интересы своего подзащитного. Суд отложил рассмотрение только на пять дней, до 22 сентября, и назначил Юрию Дмитриеву нового адвоката. На знакомство с многолетним делом у этого адвоката было всего три дня, исключая выходные, сообщил твиттер «Международного Мемориала» twitter.com/MemorialMoscow.

Заявление «Международного Мемориала» от 29 сентября. Окончание на с. 5

ЯВАС КАК РОДИНА, или СВИДАНИЕ С МАМОЙ

Евгений Захаров, руководитель Украинского Хельсинкского союза по правам человека и Харьковской правозащитной группы, подготовил для «30 октября» воспоминания своего дяди — Феликса Рахлина. Феликс Рахлин — писатель, журналист, бывший активист «Мемориала» — рассказывает о поездке на свидание к матери в Явас в июле 1954 года, когда ему было 23 года. В свидании отказали, но ему удалось все же добиться встречи при начальстве, которая продолжалась два часа. Публикуется впервые.

Явас — поселок городского типа в Республике Мордовия. Население — 7616 человек (2020). Основан в начале 1930-х годов как центр быстро развивавшейся системы лагерей для заключенных, получившей название Темлаг (Темниковские лагеря), впоследствии Дубравлаг (Дубравный лагерь). Поселок сохраняет свое зна-

чение как один из центров пенитенциарной системы России.

После одного литературного вечера в Иерусалиме ко мне подошла незнакомка:

— Я — поэтесса Зинаида Палванова. В вашей книге о Борисе Чичибабине упоминается поселок Явас в Мордовии. А я в этом Явасе... родилась! Но меня вскоре оттуда увезли навсегда. Не можете хоть кратко рассказать мне о нем?

Вопрос меня взволновал. В Явасе мне, действительно, довелось побывать 28 июля 1954 года: там, в лагунке поселка Молочница, отбывала десятилетний срок наша, с сестрой Марленой, мать. 8 августа 1950 года обоих наших родителей арестовали. Оба были из первых комсомольцев, коммунисты с 1920—1921 годов, фанатичные

приверженцы Ленина и Сталина, участники гражданской войны. В 1936—1937 годах их обоих исключили из партии, а затем, через 13—14 лет, осудили на 10 лет лагерей особо строгого режима. В приговоре было сказано: «За антисоветскую агитацию и принадлежность к контрреволюционной организации». Никаких фактов не приводилось. Суда, конечно же, не было, адвоката — тоже. Решение вынесло «особое совещание».

С момента их ареста мы не виделись, а письма от родителей могли получать лишь дважды в год. Переписка друг с другом им была и вовсе запрещена. Такой режим изоляции установили для заключенных в особых лагерях.

Продолжение на с. 8

ПРАВозащитник ФИЗИК ОРЛОВ

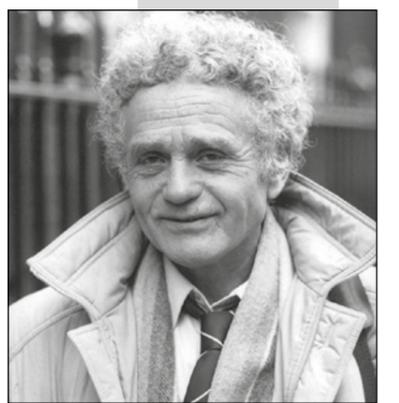
27 сентября 2020 года на 97-м году жизни скончался Юрий Федорович Орлов.

Юрий Орлов прожил долгую и великолепную жизнь. Выходец из пролетарской семьи, участник Второй мировой войны, физик-ядерщик, один из первых советских диссидентов, правозащитник, политзаключенный, вынужденный эмигрант, насильно выдворенный из СССР, общественный деятель, авторитет которого был признан не только у него на родине, но и во всем мире, — такова, пунктиром, траектория его судьбы.

Орлов был одним из первых, кто открыто выступил против насле-

дия сталинизма в текущей политической жизни страны: в марте 1956-го он и трое его коллег по работе в Теплотехнической лаборатории Министерства среднего машиностроения СССР (будущий Институт теоретической и экспериментальной физики АН СССР) на партсобрании, посвященном докладу Хрущева на XX съезде КПСС, потребовали незамедлительной демократизации советского государства и общества. Все четверо были исключены из партии и уволены с работы. Орлов был вынужден уехать из Москвы и в течение следующих 16 лет жил и работал в Ереване. В 1968-м Академия наук Армянской ССР избрала его своим членом-корреспондентом.

Вернувшись в столицу в 1972 году, Орлов вскоре стал известен как один из самых активных диссидентов-правозащитников. Созданная и возглавленная им в мае 1976-го Общественная группа содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР (Московская Хельсинкская группа) ознаменовала новый, настояшему профессиональный этап в правозащитной деятельности советских диссидентов, начало общесоюзного и международного Хельсинкского движения, превращение борьбы за права человека в значимый фактор мировой политики. Арест Орлова 10 февраля 1977 года и приговор, вынесенный ему Московским городским судом в мае 1978-го (7 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки), только подчеркнул огромное значение, которое за короткий срок приобрела работа МХГ и инициированный ею международный резонанс. В конце сентября 1986 года Юрий Орлов, отбывавший ссылку в Якутии, был вывезен самолетом в Москву и 5 октября депорти-

рован за границу. Работал по специальности в Корнельском университете (США), стал профессором этого университета, участвовал в международных кампаниях в защиту прав человека в СССР и в других странах. Как только это оказалось возможным, стал регулярно приезжать в Москву, принимал участие в конференциях и семинарах, проводи-

Окончание на с. 5

Дорогие читатели!
Если Вы все еще не получаете газету по электронной почте, то отправьте запрос на pdf-подписку: 30october@cknot.info

Тираж газеты существенно сокращен — нет денег на дорогостоящую рассылку у «Международного Мемориала». В 2020 году рассылается по отделениям «Мемориала» благодаря пожертвованиям сотрудников редакции.

Если у Вас нет компьютера, сообщите свой почтовый адрес, постараемся передать с оказией.

Главный редактор
Григорий ШВЕДОВ

В НОМЕРЕ:

От инакомыслия к инакодействию

с. 4

Скрипка Бромберга — стала книгой

с. 6

Мятежный Меленковский уезд

с. 6

Борцы с фальсификациями истории

с. 7

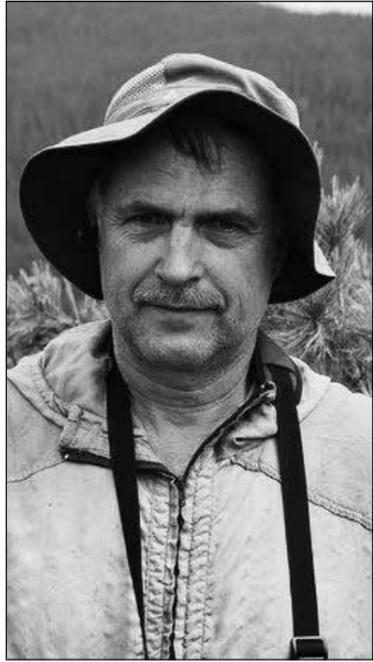
К истории свободного слова в Москве

с. 10

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

➤ Окончание. Начало на с. 1

МИХАИЛ РАДОХЛЕБ,
КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ

В рамках Дня памяти жертвам политических репрессий, 25 октября, мы, как всегда, соберемся на кладбище, где похоронены заключенные. На их могилы будут возложены цветы и, это уже стало традицией, будут зачитаны имена тех, кто был репрессирован в годы сталинского террора и погиб в лагерях Комсомольска-на-Амуре. А 30 октября в память жертвам политических репрессий соберутся люди, чтобы минутой молчания почтить память погибших в годы репрессий и будут к постаменту памятника возложены цветы. Но возмозноситуация с пандемией внесет свои коррективы и в мероприятия, и в число людей, которые придут. Надо все-таки учитывать и возраст, и реальность опасности.

Пандемия, конечно, же внесла свои коррективы в нашу жизнь. К примеру, фестиваль джазовой музыки памяти Эдди Рознера мы планировали провести весной, но из-за карантина пришлось отложить. Сейчас заразившихся и больных стало значительно меньше, и мы решили провести фестиваль. Почему именно Эдди Рознеру отделение «Мемориала» в Комсомольске-на-Амуре решило посвятить это мероприятие? Дело в том, что знаменитый музыкант в годы репрессий сидел в лагерях нашего города.

На фестивале 11 октября вступили разные музыканты, а также оркестр джазовой и популярной музыки под руководством заслуженного работника культуры РФ Александра Юрковского.

Мы поддержали хабаровчан, и в нашем городе также проходят митинги и шествия в поддержку Фургала. Правда, не такие масштабные, как в Хабаровске, но регулярно.

В городе есть «Памятный знак жертвам политических репрессий». Лет восемь назад были выделены деньги на то, чтобы на этом месте соорудить памятник. Был заложен фундамент, и на этом дело остановилось. Куда ушли выделенные средства — сейчас уже никто не знает. Но на недавнем совещании предпринимателей города было принято решение вернуться к этому вопросу и все-таки соорудить памятник. Деньги для этого будут выделены предпринимателями.

В этом году, реализовав выигранный администрацией федеральный грант «Формирование современной городской среды», в Комсомольске-на-Амуре

приступили к благоустройству 6 общественных пространств. Мы с Мариной Кузьминой, председателем нашего отделения «Российского Мемориала», встретились с чиновниками, высказали свои пожелания и замечания и были услышаны. Продолжаем бороться с местными чиновниками, добиваемся, чтобы очистить заброшенный тоннель БАМа от скопившегося там мусора и грунта. Ведь этот тоннель можно использовать как музей. Бессмысленное тупое противодействие чиновников продолжается уже 7 лет. А надо только чуть помочь с техникой — и мы сами все сделаем.

Мы живем вдали от Москвы. У провинциалов свои заботы, своя жизнь с проблемами малышами и большими. Местные жители мало знают о том, что происходит в той же Белоруссии, и это их мало интересует.

Голосование за поправки к Конституции проходило без интереса людей к тому, что стоит за этими поправками. Давят на людей кризис, коронавирус, экономика падает. Все больше становится семей, которые живут на грани нищеты. Тут не до политики, лишь бы хоть как-то выжить. Но все понимают, что никакие поправки к Конституции не улучшат жизнь народа. Все уверены лишь в одном: лучше не будет!

ЮРИЙ ПАСТУХОВ,
БИЙСК

У нас в городе тоже есть больные «корона», но не так много, как в Барнауле, например. Поэтому 30 октября, мы, как всегда, соберемся у часовенки памяти жертв репрессий. Представители духовенства обязательно будут, помянем всех убитых в годы репрессий, тех, кто погиб во время строительства Чуйского тракта. Представители администрации всегда присутствуют на таких мероприятиях.

Бийск был основан по указу Петра Первого в 1709 году как укрепление, которое должно было защищать юго-восточные границы Российской империи от Китая и Монголии. В 1934 году здесь было начато строительство Чуйского тракта, начальным пунктом которого был город Бийск. Вдоль тракта, на расстоянии 15—20 километров друг от друга, стали строить так называемые «командировки» — небольшие, рассчитанные на 300—400 заключенных концентрационные лагеря. И главной рабочей силой на новом направлении Чуйского тракта стали вчерашние раску-

лаченные сибирские крестьяне, заключенные Сиблага. При строительстве Чуйского тракта много полегло народу. Людей не хоронили — их или сваливали друг на друга в ближайшем карьере, или закапывали прямо в дорожное полотно. Поэтому старики говорили: «Чуйский тракт построен на костях» — в прямом смысле слова.

Чуйский тракт проходил через деревню Сротки, где родился Василий Шукшин. Его отец тоже был в числе «врагов народа». Деревенские мальчишки бегали смотреть на строительство дороги, им давали родители какие-то продукты, чтобы передать заключенным. Ребята охранники не трогали, и дети умудрялись передать кусочек хлеба, сало, картошку. Бегал туда и Вася Шукшин (Василий Шукшин — кинорежиссер, актер, сценарист и писатель), прихватив что-нибудь из еды и надеясь увидеть отца. Но его отец Макар Шукшин был к тому времени уже расстрелян.

Годы репрессий в нашем краю оставили свой печальный след. У нас в городе есть стена, на которой до сих пор сохранились следы пуля — у этой стены расстреливали людей. Сколько их было, кто знает...

По поводу поправок к Конституции у народа разные взгляды. В провинции принятие поправок как-то особо никого не волновало, потому что все знали: что бы люди ни говорили, все или уже решено без учета мнения народа. Политикой у нас мало кто интересуется, больше волнуют проблемы, как заработать на хлеб насущный, прокормить семью, вырастить детей.

В Бийске многие считают, что не нужно вмешиваться в дела Белоруссии, где кто со стороны вносит сумятицу. В Белоруссии все предприятия работали, сохранились государственные структуры. А если придет новая власть, то все рухнет, как в Украине. Беда Лукашенко в том, что ему нужно было почаще встречаться с оппозицией. Договариваться нужно, а не устраивать митинги. Разжигать костер ненависти легко, тушить трудно.

МИХАИЛ РОГАЧЕВ,
СЫКТЫВКАР

Весной наш «Мемориал» не работал, никаких мероприятий не проводили. Судя по тому, как развиваются события в связи с распространением коронавирусной инфекции, думаю, и 30 октября нам придется отказать от масштабных мероприятий, как это было в прошлые годы. Ограничимся возложением цветов к памятнику жертвам политических репрессий. Потому что у нас в активе в основном люди пожилые. Рисковать их здоровьем мы не имеем права.

Планируется провести в режиме онлайн выставку в национальном музее. Мы всегда ее проводим. Также каждый год проходит мероприятие в национальной библиотеке. В этом году оно пройдет в режиме онлайн. Обычно в этот день проходил митинг памяти, на котором присутствовали руководители города.

Такие мероприятия, как правило, проводил город совместно с нами, мемориальцами. Но сейчас вряд ли это будет возможно.

Нас убеждали, что конституционная реформа необходима, чтобы обеспечить «большой баланс между ветвями власти». В результате оказалось, что полномочия президента после принятия поправок не только

не уменьшились, но увеличились: он сможет сильнее влиять на исполнительную, законодательную, судебную и даже муниципальную власти.

Мне трудно судить о том, что реально происходит в Беларуси. Я нахожусь уже длительное время в больнице. Понятно, что на федеральных каналах, в многочисленных политических шоу слишком много лжи.

То, что произошло 29 сентября, когда Верховный суд Карелии вынес новый приговор Юрию Дмитриеву, можно назвать судебным беспределом. Предыдущий приговор истекал уже в ноябре 2020 года, и все были уверены, что в ноябре этого года председатель Карельского «Мемориала» выйдет на свободу. Но случилось непредвиденное: человека осудили за сфальсифицированное уголовное дело. Это было политическим судилищем, беспрецедентным даже для российских судов. Защита Юрия Дмитриева намерена обжаловать решение Верховного суда Карелии. Сомневаюсь, что приговор будет изменен в сторону уменьшения срока. Но есть Европейский суд. Будем продолжать бороться.

ЛИЛИЯ ТУРЧЕНКОВА,
СМОЛЕНСК

Никаких массовых мероприятий 30 октября у нас не будет из-за пандемии. А я этому не то что рада, но что Бог посылает — то и должно быть. Когда-то я у «Международного Мемориала» выиграла грант, с тех пор я мучаюсь в деревне Зыкорино и у деревни Кошкорина (Латышский колхоз) с межеванием земли под мемориальный знак.

30 октября все равно мы будем в Катюны и помянем жертв. Я распечатала уже заявление «Международного Мемориала» о снятии памятных табличек о жертвах репрессий, которые так и не повесили обратно в Твери. В Международном «Мемориале» работают очень грамотные, смелые люди, которые не боятся говорить правду.

Я вообще не в восторге от обстановки, которая складывается вокруг отношения к памяти жертв политрепрессий. И памятники тормозят, и землю под памятники тормозят. Это длится с 2012 года. Мне нигде не дают слова сказать, не дают выступить. Дружу лишь с газетой «Смоленские новости», но и там редактор говорит: «Напечатаете то, что нам разрешат».

Много лет у нас не работает комиссия Смоленской области по восстановлению прав и увековечению памяти жертв политрепрессий. В марте соби-

рался общественный совет, мы пошли к члену Совфеда Сергею Леонову с просьбой содействовать возобновлению работы комиссии. Он обратился к губернатору.

Встречалась также с С.И. Неверовым, который представляет нашу область в Госдуме. Я пришла в офис по его приглашению, стала излагать суть проблемы и заметила, что идет съемка, о которой меня не предупредили. Я предупредила, что им не понравится то, что я скажу об увековечении памяти жертв политрепрессий в Катюны. После этих слов съемка прекратилась — и времени у Неверова не осталось. Меня лишь предупредили, что если мы будем получать деньги и заниматься политикой, то будем считаться иноагентами.

Если бы меня пригласили на обсуждение поправок в Конституцию, то я бы сказала, что выступаю против «обнуления». Пожалейте нынешнего президента хотя бы как человека. Если его оставить на веки вечные, то мы получим второго больного Сталина, который будет проводить репрессии, считая, что кругом враги, иноагенты. Поэтому я вообще не голосовала.

События в Беларуси не приводят к каким-либо волнениям у нас. Страх репрессий передался потомкам репрессированных. Никто ничего не говорит. Что-то скажешь — найдут, как штраф оформить. Неужели нам осталась одна дорога — та, которой пошла журналистка из Нижнего Новгорода Ирина Славина? 2 октября главный редактор нижегородского интернет-издания Ирина Славина совершила акт саможжения перед зданием ГУВД Нижегородской области. — Примеч. «30 октября».

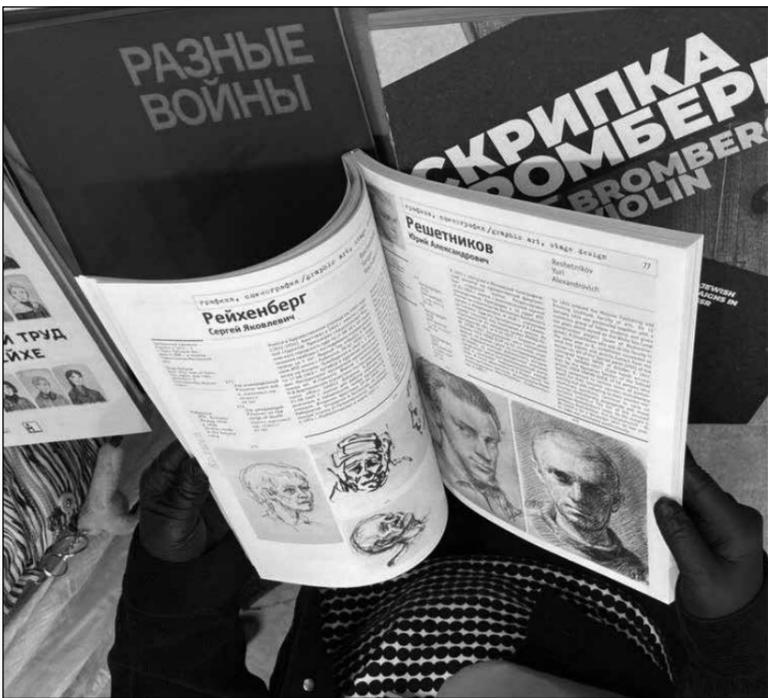
Приговор Дмитриеву равносителен расстрелу. Они показали всем, кто занимается увековечением памяти жертв политрепрессий, что мы попадем вновь в разряд «врагов народа». Это такой позор для России! Я написала заявление президенту, который когда-то на Бутовском полигоне говорил, что репрессии были жестокими, уничтожили лучшую часть народа, и теперь — все наоборот. Дмитриева надо освободить из заключения, ведь его фактически казнят, терзают и терзают. Если бы его освободили, это улучшило бы имидж нашей страны. Потому что на мировой арене мы со всех сторон опозорены до невозможности.

ГЛУШКОВ СЕРГЕЙ,
ТВЕРЬ

Мы предполагаем, что 30 октября как обычно все будет у нас. Мы придём к памятнику жертвам репрессий, попробуем там что-то провести. Обычно у нас всегда городская власть этим занималась. Как минимум, чтение имен состоится.

СПОСОБ ПРИВЛЕЧЬ ПОСЕТИТЕЛЕЙ НА ЯРМАРКЕ

Традиционное, уже в течение многих лет, участие «Международного Мемориала» в Московской международной книжной ярмарке (ММКЯ) в этом году оказалось омрачено визитом 4 сентября на стенд «Мемориала» сотрудников прокуратуры Тверского района Москвы.

Целью проверки было «исполнение законодательства об НКО» и, в частности, требования о маркировке организаций, внесенных в реестр «иноагентов» («Мемориал» был внесен в этот реестр 4 октября 2016 года, но, естественно, не признает этого решения и пытается оспорить его в судебном порядке).

Вначале проверяющие притворились обычными посетителями и взяли бесплатные книги. Уже после их осмотра сотрудники прокуратуры предъявили решение о проверке и досмотрели весь ассортимент стенда. Нашли и изъяли девять книг без маркировки, сообщила Елена Жемкова, исполнительный директор «Международного Мемориала». В составленный по результатам проверки акт был внесен целый ряд мемориальных изданий, в том числе те, которые изданы задолго до принятия законодательства об организациях «иностранных агентах». «В частности, был изъят каталог Музея «Мемориала», изданный в 1998 году. На стенде у «Международного Мемориала» имеется специальный штамп с информацией о внесении в реестр, который мы ставим в старые книги, если посетители хотят такие книги получить. Нам не дали возможности поставить на взятые прокуратурой книги этот штамп», — отметила Елена Жемкова.

Юрист правозащитного центра «Мемориал» Татьяна Глушкова отметила, что не может назвать произошедшее даже провокацией правонарушения, потому что правонарушения не произошло. «Если бы сотрудник прокуратуры выбрал старую книгу, то перед выдачей на нее поставили бы штамп, но фактически книги были забраны самими сотрудниками. Если «Международный Мемориал» будет привлечен к ответственности, то это будет привлечение к ответственности за возможность совершить правонарушение, которую сотрудники прокуратуры установили, придя на стенд. Но ни за намерение, ни за приготовление к совершению правонарушения КоАП не наказывает. Наказуемым является

только окончанный состав административного нарушения, например — факт распространения. Если нас будут наказывать, то это станет очередным шагом в сторо-

ну расширительного толкования закона об иностранных агентах, причем такой, какого даже предположить было нельзя», — заявила Глушкова «Коммерсанту». Как позже выяснилось, прокурорская проверка была инициирована Центром по противодействию экстремизму ГУВД Москвы, хотя к его компетенции контроль за соблюдением законодательства о некоммерческих организациях не относится.

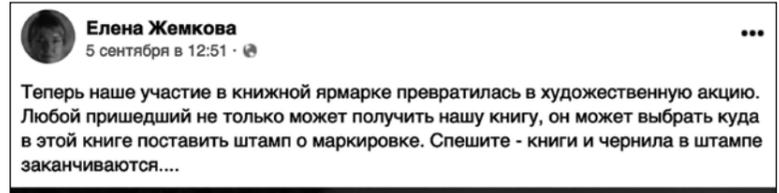
На следующий день, 5 сентября, организаторы ярмарки по требованию прокуратуры оклеили стенд «Мемориала» листами А4 с текстом о том, что Минюст внес организацию в реестр «иностранных агентов», повесив сразу четыре листа на пространстве в 4 квадратных метра, а затем заменили вывеску на стенде.

Председатель правления «Международного Мемориала» Ян Рачинский заметил по этому поводу на своей странице в «Фейсбуке»: «Зачем выполнять незаконные требования с таким рвением — сначала 4 отдельных

плакатика со всех сторон стенда, а потом и замена вывески? Зачем стремиться в первые ученики?»

Как шуточно написала в «Фейсбуке» после прокурорской проверки Елена Жемкова, после таких действий участие «Мемориала» в книжной ярмарке превратилось в художественную акцию. «Любой пришедший не только может получить нашу

сандра Поливанова предоставила «30 октября» скриншот статистики пожертвований на сайт donate.memo.ru, согласно которому за период 4—6 сентября количество пожертвований выросло в восемь (!) раз по сравнению с предыдущими днями. Александра Поливанова также подтвердила, что у стенда «Мемориала» было очень многолюдно. «У нашего

книгу, он может выбрать, куда в этой книге поставить штамп о маркировке. Спешите — книги и чернила в штампе заканчиваются», — написала она.

Член правления «Международного Мемориала» Александр Даниэль в ответ предложил «подумать о художественном варианте этого штампа, специально для библиофилов. Чтобы соответствовать художественности акции. С эскизбрисом, изображающим иностранного агента, с рогами и хвостом».

Впрочем, проверка имела и совершенно неожиданный для ее организаторов эффект: еще два издательства, «Новое издательство» и «Медленные книги», наклеили листы А4 с надписью «Я/Мы иностранный агент» на своих стендах.

Кроме того, на стенд «Международного Мемориала» стали массово приходить люди, просившие дать им какую-либо из старых книг и проштамповать ее «печатью иностранного агента». Другие интересовались в Интернете, где можно купить книги, имеющиеся на стенде. «Мы с трудом справлялись с по-

стенда всегда было очень много народу, больше, чем у соседних, были люди, которые приехали специально, услышав про то, что у нас происходило», — отметила она.

По итогам проверки 10 сентября 2020 года Тверская межрайонная прокуратура Москвы возбудила в отношении «Международного Мемориала» и председателя правления организации Яна Рачинского административные дела о немаркировке материалов лейблом «иностранный агент» (ч. 2 ст. 19.34 КоАП РФ).

Комментируя «30 октября» всю эту историю, член правления «Международного Мемориала» Борис Беленкин предположил, что неожиданная активность прокуратуры на выставке могла быть вызвана двумя причинами. «Вариант первый — из-за места проведения. Если бы ММКЯ, как и раньше, прошла на ВДНХ, то участие «Международного Мемориала» не привело бы к известным событиям. Но поскольку выставку перенесли в самый центр Москвы, по соседству с Кремлем, воспоследовало повышенное внимание к ее участникам. И когда каким-то бдительным оком был обнаружен «Мемориал», было решено оказать своего рода давление и на «Мемориал», и на организаторов ММКЯ, чтобы впредь было неповально связываться с «Мемориалом». С другой стороны, эта проверка явно была неожиданностью для организаторов ярмарки. Ведь если бы о ней было известно за 10—20 дней, то руководство выставки могло бы сказать: «Извините, планы изменились, мест нет». Поэтому, возмож-

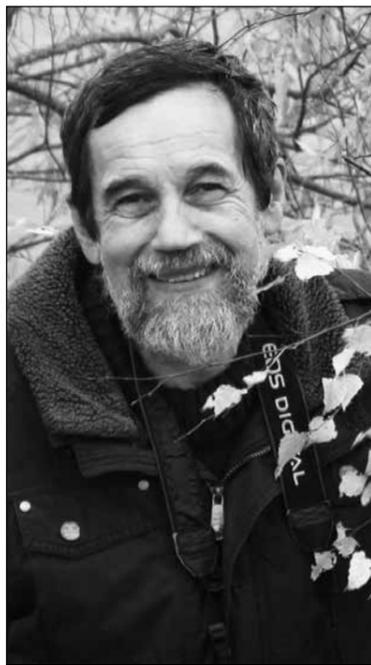
током людей, хотя мы даже призывали дополнительных волонтеров; мы едва успевали (а на самом деле не успевали) довозить из «Мемориала» книги, как их расхватывали... Мы получили кучу-кучу пожертвований на сайте <https://donate.memo.ru>. У нас стало больше рекуррентных жертвователей — то есть людей, которые подписались на ежемесячные пожертвования. Многие люди приехали на ММКЯ только для того, чтобы найти наш стенд и высказать нам свою поддержку!» — отмечалось в посте, написанном 6 сентября.

Куратор программ «Международного Мемориала» Алек-

но, эта акция заранее рассматривалась как публичное действие с некоторым элементом запугивания. Однако эффект от этого оказался противоположным. В результате к нашему стенду пришло намного больше людей, чем могло прийти без этих событий», — подчеркнул Борис Беленкин.

Семен ЧАРНЫЙ, корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu специально для «30 октября»

На снимках: Экспозиция «Мемориала» на ММКЯ, Стенды издательства, поддержавших «Мемориал». Фото из архива НИПЦ «Мемориал»

Мы сейчас заняты некоторой реорганизацией: нас преследовали требованиями отчетов, бумажек, а доходов у нас нет, счетов нет — и мы решили перейти на режим существования без образования юрлица. Основные наши действия связаны с подготовкой к судебному процессу по иску, поданному «Международным Мемориалом» о снятии мемориальных досок с Тверского медуниверситета. Собираем исторические свидетельства, документы, перебираем архивную прессу. Я и сам участвовал в установке этих досок, и сам писал. Организации у нас небольшая, так что такую бурную деятельность проводить некому.

Я лично не встречал ни одного человека, кто бы сказал, что в стране все делается правильно. Что же касается изменений Конституции, то тут точки зрения разные, даже у нас в организации. А относительно Беларуси, многие и у нас, и там боятся, что будет хуже. Возмущение вызывает то, как власть обращается с демонстрантами.

Татьяна ГАНТИМУРОВА, Магомед ТУАЕВ

Фото Михаила Радохлеба, Юрия Пастухова, Лилии Турченковой и Сергея Глушкова — из личных архивов спикеров

ОТ ИНАКОМЫСЛИЯ К ИНАКОДЕЙСТВИЮ

По инициативе Крониды Любарского в 1974 году 30 октября стал Днем политзаключенного в СССР. В этот день узники мордовских и пермских лагерей провели забастовку и акцию неповиновения лагерному начальству и охранникам. Ежегодно 30 октября отмечается как День жертв политических репрессий.

Кронид Аркадьевич Любарский — «советский астроном и астрофизик, участник правозащитного движения в СССР, политзаключенный, автор идеи учреждения в 1974 году Дня политзаключенного в СССР, политэмигрант, член Московской Хельсинкской группы с 1989 года».

В 1967 году, после защиты диссертации, Любарский вместе с женой Галиной Саловой переехал в подмосковный поселок Черноголовка, где размещалось несколько научно-исследовательских институтов Академии наук СССР. Он устроился на работу преподавателем физики и астрономии в черноголовскую среднюю школу № 82 и одновременно сотрудничал со столичными издательствами «Мир» и АПН. Продолжил правозащитную деятельность, активно занимаясь распространением и размножением «самиздата», включая «Хронику текущих событий».

Его ученики помнят, как школьный преподаватель завораживал их рассказами о планетах солнечной системы и далеких звездных мирах. С помощью старшеклассников он оборудовал на верхнем этаже здания школы маленькую обсерваторию, где частенько проводил уроки астрономии. Пожалуй, и уроками назвать их было трудно. Скорее, это было похоже на путешествия и полеты в загадоч-

В январе 1972 года на квартире Любарского в Черноголовке сотрудники КГБ произвели обыск. Они обнаружили и изъяли немало антисоветской литературы и «самиздата», номера «Хроники текущих событий», номера «Хроники текущих событий», которую тогда редактировал Анатолий Якобсон.

Кронид Любарский был арестован и до суда содержался в Лефортовской тюрьме. Суд над ним проходил 26—30 октября 1972 года в подмосковном Ногинске. Процесс практически был закрытым. В зал суда не могли попасть трижды Герой Социалистического Труда академик Андрей Дмитриевич Сахаров, который тогда еще не был сослан в Горький, его супруга Елена Боннэр и другие друзья, соратники и единомышленники Любарского. В день вынесения приговора, 30 октября, с Курского вокзала в Москве даже были отменены утренние электрички, следующие до Ногинска.

ветский государственный строй», предусматривала лишение свободы сроком до трех лет.

На заключительном заседании суда, 30 октября 1972 года, Любарскому предоставили последнее слово. Его выступление длилось полтора часа. Объясняя свою мотивацию обращения к самиздату, он, в частности, сказал: «Информация — это хлеб научного работника. Как крестьянин работает с землей, рабочий с металлом, так и интеллигент работает с информацией. Например, важно знать все обстоятельства прихода Сталина к власти, ибо уроки истории учат. Но нет книг на эту тему на прилавках магазинов — и вот я должен обратиться к Авторханову. Хотелось бы читать о политических судебных процессах на страницах газет. Но нет таких материалов в газетах — и вот я обращаюсь к «Хронике». А что вы можете предложить мне взамен? Вот мотивы, которые привели меня к самиздату. Нормально ли явление самиздата? Разумеется, нет. Это болезненное явление. При нормальном развитии общества все вопросы, обсуждаемые в самиздате, должны рассматриваться на страницах газет. Только в ненормально развивающемся обществе больные вопросы загоняются в подполье, обсуждению их придается оттенок нелегальности. Вот единственное решение проблемы самиздата — введение подлинной свободы печати. И нет другого пути. Не следует откладывать это на далекое будущее».

Суд определил свою позицию, согласившись с обвинительным заключением: «Анализ приобщенной к делу литературы «Самиздата» носит антисоветский, клеветнический характер, порочит советский государственный и общественный строй, направлен на

ВЕСТИ ИЗ СССР
ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

USSR NEWS BRIEF
HUMAN RIGHTS

СПИСОК ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР

ВЫПУСК 9

ПО СОСТОЯНИЮ НА
30. 10. 1987

ключенных», он был переведен во Владимирскую тюрьму.

В 1975 году Крониду Любарскому была присуждена ежегодная премия швейцарской организации «Движение за свободу и права человека».

После своего освобождения в январе 1977 года Любарский не прекратил правозащитную деятельность, став одним из распорядителей «Русского общественного фонда помощи политзаключенным и их семьям» («Фонд Солженицына»).

Из Черноголовки он вынужден был переехать вместе с женой в Тарусу. Там Любарский находился под бдительным надзором местного отделения милиции и не мог без разрешения поки-

работать в архивах Владимирской тюрьмы, где некогда отбывал наказание. В 1991 году он снова посетил СССР, став свидетелем событий Августовского путча.

В 1991 году Черноголовский поселковый совет народных депутатов принял смелое решение: обратился к гражданину ФРГ Крониду Любарскому с предложением вернуться на Родину. В 1992 году Крониду Аркадьевичу было возвращено гражданство СССР, и он вернулся. Поселковый совет даже изыскал возможность приобрести ему квартиру в Черноголовке, в доме № 7 по Школьному бульвару. Тогда мы с ним и познакомились. Его друг, старший научный сотрудник Института проблем химической физики АН СССР Рустэм Любовский, зашел вместе с ним в редакцию «Черноголовской газеты», где я тогда работал главным редактором.

После своего возвращения в Россию Кронид Аркадьевич стал работать первым заместителем главного редактора журнала «Новое время». С его подачи в этом журнале в 1995—1996 годах была напечатана моя статья «Граната для журналиста» — о покушении на жизнь главного редактора Ногинского радиовещания Владимира Булашевича и мое журналистское расследование о фальсификации выборов главы Ногинского района в 1996 году.

Кронид Любарский возглавлял Московское отделение Московской Хельсинкской группы, участвовал в разработке Конституции РФ 1993 года. В 1993—1996 годах участвовал в работе Конституционного Собрания (ныне — Общественная палата РФ). Он стал учредителем Международной правозащитной ассамблеи, был главным редактором «Российского бюллетеня по правам человека» и членом Комиссии по гражданству при президенте РФ. Во время октябрьских событий 1993 года Любарский участвовал в организации обороны радиостанции «Эхо Москвы» от воинственных сторонников Хасбулатова, Рущкого и Макашова. В 1994 году Кронид Любарский стал председателем Московской Хельсинкской группы. В знак протеста против введения российских войск в Чечню и наведения там «конституционного порядка» Кронид Аркадьевич вышел из состава Общественной палаты.

Любарский очень любил путешествовать. В 1996 году они с женой приобрели туристические пу-

ный мир Вселенной. Разумеется, Любарский не мог не замечать, что происходит на одной из планет Солнечной системы и, в частности, в стране, в которой он жил.

В те времена партийные идеологи КПСС пытались утвердить в СССР стандартное показное единомыслие. Инакомыслящих сажали в лагеря, направляли на принудительное лечение в психушки. Под опалой находились Андрей Сахаров, Александр Солженицын, Ростислав Ростропович и другие выдающиеся ученые и деятели культуры. Вынуждены были покинуть страну Иосиф Бродский, Виктор Некрасов, Александр Галич, Сергей Довлатов, Анатолий Кузнецов... Развернулись судебные процессы над Синяевским и Даниэлем. В 1956 году советские танки вошли на улицы Будапешта, а в 1968 году они захватили Прагу. Все это возмутило разум и совесть Любарского, который влился в правозащитное движение.

Обвинительное заключение, над которым трудилась следственная бригада под руководством подполковника следственного отдела УКГБ Юрия Смирнова, инкриминировала Любарскому 54 преступных эпизода. В заключении утверждалось, что обвиняемый в течение пяти лет хранил, размножал и распространял антисоветскую литературу. Он также позволял себе «антисоветскую агитацию» в устной форме. Подсудимый признал факты размножения и распространения самиздатовской литературы. Однако он не считал себя виновным по статье 70 УК РСФСР, предусматривающей лишение свободы сроком до 7 лет, и отрицал в своих действиях антисоветский умысел.

Адвокат Любарского Лев Юдович просил суд перекалфицировать обвинение на статью 190-1 УК РСФСР, которая за «заведомо ложные измышления, порочащие со-

дискредитацию Советской власти, Коммунистической партии, Советской демократии и Социалистических отношений» (сохранены орфография и синтаксис приговора. — В.П.).

И «самый гуманный в мире» суд приговорил преподавателя астрономии за страсть к правдивой информации к пяти годам лишения свободы по статье 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти». В 1973 году Любарский был этапирован в лагерь ЖХ-358/19, который находился в поселке Лесной недалеко от станции Потьма в Мордовии, известный среди правозащитников как лагерь № 19 Дубравлага. Там Кронид Аркадьевич неоднократно объявлял голодовки. В 1974 году, «в связи с отрицательным влиянием на других за-

дать город. В Тарусе он неоднократно подвергался административным судам в связи с «тунеядством» и нарушением административного режима. В июле 1977 года он вновь подвергся обыску. Любарскому реально грозили новый арест и новый срок. И тогда он принял решение эмигрировать в Германию.

С 1977 года по 1992 год он жил с семьей в Мюнхене. В эмиграции занимался сбором информации о нарушениях прав человека в СССР. В 1978—1991 годах выпускал журнал «Страна и мир». В 1984 году начал выпускать журнал «Страна и мир». В 1990 году, когда в СССР бурлила затеянная Михаилом Горбачевым «Перестройка», Кронид Любарский посетил родину как член международной комиссии по делу Рауля Валленберга. Он также успел по-

ПРАВООЗАЩИТНИК ФИЗИК ОРЛОВ

➤ Окончание. Начало на с. 1

мых правозащитными организациями. В августе 1990 года Орлову было возвращено советское гражданство.

Юрий Федорович Орлов был одним из тех людей, деятельность и жизнь которых меняет интеллектуальную, нравственную и политическую атмосферу не только в их странах, но и во всем мире.

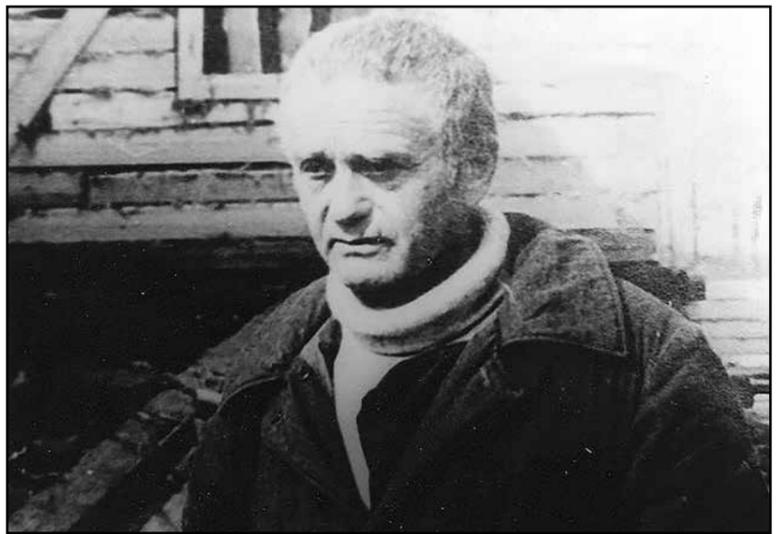
Помним, скорбим, восхищаемся!

Выражаем соболезнования родным и близким Юрия Орлова.

«Международный Мемориал»,
27 сентября 2020 года

На снимках: Юрий Орлов в ссылке. Село Кобяй, Якутская АССР, 1984 г. Фото Льва Пономарёва

Юрий Орлов приезжает в Нью-Йорк после высылки из Москвы в 1986 году. Фото: Jerome Delay / AFP / Getty Images – из архива МХГ

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Юрий Орлов родился 13 августа 1924 года в рабочей семье. Участник Великой Отечественной войны. Закончил физический факультет МГУ, работал в Институте теоретической и экспериментальной физики АН СССР.

В 1956 году на партийном собрании, посвященном обсуждению доклада Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС, выступил с заявлением, в котором он назвал И.В.Сталина и Л.П.Берия «убийцами, стоящими у власти», и выдвинул требование «демократии на основе социализма». Вскоре был уволен с работы и исключен из партии. Директор Физического института АН Армянской ССР А.Алиханьян принял Орлова на работу, и следующие 16 лет он жил и работал в Ереване. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации и в 1968 году был избран членом-корреспондентом Армянской Академии наук. В 1972 году вернулся в Москву, работал в Институте земного магнетизма, ионосферы и распространения радиоволн АН СССР.

В 1973 году, под влиянием кампании против А.Д.Сахарова, начал заниматься активной общественной деятельностью. Отправил открытое письмо Л.И.Брежневу, в котором выдвинул предложения по ослаблению государственного контроля за экономикой и потребовал демократизации советского общества. Это обращение получило широкое распространение в самиздате. Вскоре Юрий Орлов познакомился с известными диссидентами и в октябре 1973 года организовал (вместе с В. Турчиным и А. Твердохлебовым) советскую

секцию «Международной амнистии».

В 1974 году провел у себя на квартире семинар для ученых, отстраненных от научной деятельности по политическим мотивам.

12 мая 1976 года на пресс-конференции в Москве (на квартире академика А.Д.Сахарова) было объявлено о создании МХГ во главе с Орловым.

За восемь месяцев, в течение которых Орлов руководил группой, она выпустила 18 документов. Лично составил документ № 5 «Репрессии против религиозных семей». До своего ареста Орлов участвовал в подготовке и редактировании всех документов группы, в их передаче в московские посольства стран-участниц Хельсинкского соглашения и руководству СССР. Затем, убедившись, что документы не доходят по назначению, Орлов стал передавать их иностранным журналистам на организованных им пресс-конференциях. Вел прием граждан, обращавшихся в группу в связи с нарушениями прав человека.

Летом 1976 года Орлов совершил поездку в Западную Украину, где встретился с бывшими политзаключенными-диссидентами – будущими членами Украинской Хельсинкской группы. При его поддержке была создана также Литовская Хельсинкская группа.

Деятельность МХГ встретила резкое противодействие советских властей. Через три дня после основания группы Орлов был вызван в КГБ, где ему зачитали «предупреждение» о возможных последствиях его «противоправной деятельности».

За Орловым была организована постоянная демонстративная слежка; его вызывали на допросы, а в ян-

варе 1977 года у него был произведен обыск.

9 февраля 1977 года Орлов провел пресс-конференцию в Москве, на квартире Людмилы Алексеевой,

27 сентября 2020 года Юрий Федорович Орлов умер в США на 97-м году жизни. Физик, правозащитник, мыслитель, он до последней возможности преподавал любимую науку и продолжал оставаться на связи с правозащитным движением.

передал ей свои предложения по руководству группой в случае его ареста, и 10 февраля был арестован. На суде ему инкриминировали 13 документов МХГ, признанных «клеветническими» и «антисоветскими». В последнем слове сказал: «Подобные суды не помогут устранить те беды и недостатки общества, о которых свидетельствуют документы Хельсинкской группы».

Сразу по прибытии в пермский политический лагерь заявил, что остается членом МХГ и рассматривает себя в качестве наблюдателя. Это была не просто декларация: так, документ МХГ № 87 (доклад «О положении заключенных в лагерях СССР») от 25 апреля 1979 г., был составлен на основе текста, написанного по инициативе Орлова и под его руководством политзаключенными разных национальностей. В 1979 году Международная лига прав человека наградила Юрия Орлова премией, а Академия наук Армянской ССР тайно лишила его звания чле-

на-корреспондента. Ссылку отбывал в Якутской АССР.

5 октября 1986 года, накануне встречи М.С.Горбачева и Р.Рейгана в Рейкьявике, в обмен на арестованного советского разведчика был выслан в США и лишен советского гражданства.

После освобождения и высылки из СССР в 1986 году сразу же включился в международный хельсинкский процесс, консультировал делегации США на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе в Вене (октябрь-декабрь 1986 года). В том же году Орлов был избран почетным председателем Международной Хельсинкской федерации по правам человека.

Начиная с июня 1989 года, регулярно приезжал в СССР и Россию. В 1996 году предложил свое посредничество для урегулирования российско-чеченского конфликта.

Из справки Московской Хельсинкской группы

МЕСТЬ СИСТЕМЫ О ПРИГОВОРЕ ЮРИЮ ДМИТРИЕВУ

➤ Окончание. Начало на с. 1

22 сентября, в 10.00, в Верховном суде Республики Карелия состоялось рассмотрение апелляционных представления и жалобы на второй приговор по делу Дмитриева. Сам Юрий Дмитриев принимал участие в заседании по видеосвязи из СИЗО, слышнностью (по его собственному сообщению) была очень плохой. Ходатайство о доставке подсудимого в здание суда для очного участия в заседании было отклонено. На заседании были рассмотрены его ходатайства об отводе судьям и прокурору, так как они уже ранее участвовали в рассмотрении его дела и выступали на позициях обвинения. В обоих случаях в отводе было отказано. Юрий Дмитриев выразил несогласие с тем, чтобы его защищал адвокат по назначению, но суд своего решения не изменил.

Группа правозащитников, политиков, писателей, журналистов, актеров и кинорежиссеров попросила Верховный суд Карелии не рассматривать дело историка, а передать его в суд любого другого субъекта РФ. Письмо главе ВС Карелии Анатолию Наквасу, под которым подписались почти 250 человек, опубликовано на сайте «Новой газеты».

Несмотря на все это, 29 сентября Верховный суд Карелии рассмотрел апелляцию на приговор Юрию Дмитриеву. И радикально ужесточил наказание. Кроме того, суд отменил оправдательный приговор по другим обвинениям, предъявленным Дмитриеву по статьям об изготовлении порнографии и о развратных действиях. Теперь дело в части этих статей пересмотрит Петрозаводский городской суд.

Ужесточение приговора историк вызвало широкий резонанс в общественных и политических кругах России и мира.

ЗАЯВЛЕНИЕ «МЕЖДУНАРОДНОГО МЕМОРИАЛА»

Сегодня Юрию Дмитриеву был вынесен жестокий, незаконный, неправовой, политически мотивированный приговор.

Неангажированному наблюдателю очевидно: судебный процесс, проходивший два дня в Верховном суде Карелии, нельзя считать справедливым, хотя бы потому, что подсудимый по сути был лишен полноценной защиты. Суд безосновательно отказался отложить процесс до выздоровления адвоката, который защищал Дмитриева почти четыре года, и не принял во внимание отказ Дмитриева от адвоката по назначению.

Дело Дмитриева было сфабриковано по политическим мотивам. Причина – не только в его многолетней работе по увековечению памяти жертв советского террора. Сандармох стал памятным местом,

Мемориалом международного значения. Сюда приезжали из бывших советских республик, Украины и стран Балтии и из-за границ бывшего СССР, из Польши. Дни памяти вновь и вновь показывали: массовый террор был не «сбоем» советской системы, а ее основой. Тут ощущалась связь истории и современности: в 2015 году Юрий Дмитриев говорил здесь о войне на востоке Украины. Возможно, это и стало «спусковым крючком».

Дело было сфабриковано по «грязным» уголовным статьям, порочащим человека, но также обеспечивающим закрытость процесса, что, казалось бы, исключало широкую реакцию в СМИ и широкую кампанию солидарности. Тем не менее, именно эта солидарность, в России и за ее пределами, привела к тому, что процесс получил широкую огласку.

Беспочвенность обвинений была очевидна с самого начала. Недаром в 2018 году Дмитриев был оправдан по

этим «грязным» статьям, а в июле 2020 года суд приговорил его к трем годам шести месяцам, «меньше меньше-го...», – практически «до отбывтого». Это означало одно: у обвинения нет никаких доказательств вины Дмитриева в изготовлении порнографии и насильственных действиях сексуального характера по отношению к несовершеннолетней приемной дочери.

Сегодняшний приговор – мсть системы, которая наследует системе советской и хотела бы вновь предать забвению имена, возвращенные Юрием Дмитриевым, опорочив его самого и дело его жизни.

Мы вместе с нашим товарищем, Юрием Дмитриевым, с его защитой, со всеми, кто его поддерживал, будем бороться за отмену этого чудовищного приговора.

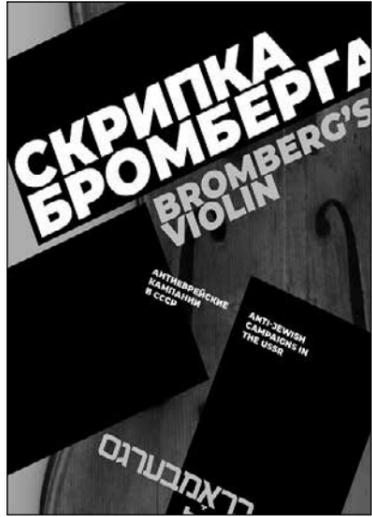
Свободу политическому заключенному Юрию Дмитриеву!

Правление Международного общества «Мемориал»
29 сентября 2020 года

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СКРИПКА БРОМБЕРГА —
СТАЛА КНИГОЙ

Новая книга «Скрипка Бромберга»¹, изданная «Международным Мемориалом», задумывалась как каталог к одноименной выставке. Она работает в помещении «Международного Мемориала» до конца января 2021 года. Однако в процессе работы книга далеко вышла за рамки каталога...

Сборник, составленный Борисом Беленкиным, посвящен истории советской государственной политики в отношении евреев. В нем прослеживается, как строилась и менялась эта политика на протяжении всего советского периода — начиная с деятельности еврейских политических партий в 1920-е годы и вплоть до эпохи диссидентской активности 1960—1980-х годов. В книге показано, как еврейские культурные и общественные организации сначала поощрялись и успешно функционировали, а затем насильственно закрывались, как разворачивались антисемитские кампании и как складывались судьбы людей, ставших жертвами этих кампаний.

Издание разделено на три части. Первая, и самая масштабная — это собственно каталог, начинающийся с описания экспонатов, которые посвящены жизни и судьбе одного из лидеров российских сионистов

Вениамина Бромберга (1904—1942). Об экспонатах можно не только прочесть — их можно увидеть. И особое место среди них занимает принадлежавшая Бромбергу скрипка, которая дала название всей выставке. Можно прочесть его письма, в том числе написанное из колымского лагеря в 1940 году. «Получить от тебя первую телеграмму — все равно, что плывцу увидеть далеко в беспокойном море твердый и родной берег», — писал Бромберг.

Далее рассказывается об отношении советских властей к еврейской общине страны — двойственном в 1920-х, о попытке построить альтернативный сионизму проект в Биробиджане, о развитии, а затем и свертывании культуры на идиш, наконец — о репрессиях против раввинов и религиозных активистов. Можно увидеть записку Дзержинского об отношении к сионистам с замечанием о том, что большевики «принципиально могли бы быть друзьями сионистов», а также секретное донесение 1925 года украинского чекиста Карлсона Лазарю Кагановичу, бывшему тогда первым секретарем ЦК КПБ(у), о том, что «со страшной быстротой растут активные силы сионистов из недр еврейских масс».

Здесь же возникает тема антисемитизма — вначале негосударственного, затем плавно перетекающего в государственный. Подробно рассматриваются история Еврейского антифашистского комитета, его взлета и падения, и антисемитские

воевали в Ташкенте». На самом деле по количеству награжденных они заняли четвертое место после русских, украинцев и белорусов, а по числу Героев Советского Союза — пятое, пропустив вперед еще казахов. В сборник также вошли письма тех людей, которые не побоялись открыто, от своего имени, писать Сталину и людям из его ближайшего окружения

Окончание на с. 11 ➤

1. «Скрипка Бромберга. Антиеврейские кампании в СССР». М.: Мемориал — ABC Design, 2020

На снимках: Обложка новой книги. Фото автора.

Вениамин и Белла Бромберги в ссылке. Ташауз, Туркмения, 1930 г.

Мозаика из яичной скорлупы, сделанная В. Бромбергом в Ярославском изоляторе 1927 г.

В условиях войны и трех революций ни царское, ни Временное правительства не смогли решить продовольственную проблему в России. Голодали города и целые губернии.

Пришедшие к власти большевики провозгласили крестьян собственниками земли, однако уже в январе 1918 года разогнали Учредительное собрание России, где 59% голосов имела партия эсеров, представлявшая интересы большинства тружеников села.

Принятые в мае того же года законы о продовольственной диктатуре обрекали крестьян на голод и разорение. Насильственная мобилизация на братоубийственную войну еще более ухудшила обстановку в деревне и вызвала массовые возмущения.

Во Владимирской губернии наибольшее сопротивление коммунистической власти оказали крестьяне Меленковского уезда.

МЯТЕЖНЫЙ
МЕЛЕНКОВСКИЙ УЕЗД

ДЕКРЕТ НЕ ИСПОЛНЯТЬ

Инициатором протестов выступила... местная советская власть, еще не ставшая в то время однопартийной, в лице председателя Ляховского волостного исполкома Сергея Евграфовича Климова, штабс-капитана царской армии, участника Первой мировой войны, и членов волостного исполкома. Климов имел большой авторитет среди местных жителей и принадлежал к партии эсеров.

Изучив пришедшие сверху инструкции по исполнению законов о продовольственной диктатуре, Климов популярно разъяснил землякам, какая трагедия их ожидает. Крестьяне уже были насыщены о деятельности продотрядов, изымавших «излишки» зерна, картофеля, муки и других продуктов.

В Меленковский уездный комитет была направлена выписка из протокола общего собрания волости крайне жесткого характера: «Заслушав и обсудив декрет Центрального исполнительного комитета от 13 мая сего года о продовольственном деле, волостное собрание на заседании своем постановило: означенный декрет не исполнять... Дальнейшая продовольственная политика Центральной власти ведет нас к гибели, к лишению завоеванных свобод. Категорически требуем разрешения свободных закупок и вывозов хлеба».

За подписью Климова и секретаря волостного исполкома Хромова во все волостные комитеты были направлены телеграммы с призывом следовать примеру Ляхов.

Однако тоталитарная власть не собиралась считаться с мнением народа и тем более вести какие-то дискуссии с политическими оппонентами. Через несколько дней Климов и Хромов были арестованы уездной ЧК как «контр».

Возмущенные жители села Ляхи и близлежащих деревень на общем собрании выдвинули Климова депутата первого уездного крестьянского съезда и с требованием освободить руководителя волостного исполкома пошли на Меленки.

Уездные власти объявили в городе военное положение, сообщили в Муром и Владимир: «На нас идет целая волость» и попросили срочно прислать 200 красноармейцев.

Просьба была выполнена, на пути к городу безоружную толпу крестьян разогнали выстрелами в воздух. Сведений о судьбе арестованных в архиве Владимирской области не найдено.

Однако это неверная версия. В областной Книге памяти жертв политических репрессий имеются сведения о Климове Иване Евграфовиче 1883 года рождения, конюхе, проживавшем в деревне Черниченка Меленковского района, арестованном в 1937 году и осужденном на 7 лет лишения свободы.

В его уголовном деле, хранящемся в архиве УФСБ по Владимирской области, находится справка сельсовета о составе семьи: «Брат, Климов Сергей Евграфович, руководитель эсерокулацкого восстания в бывшей Ляховской волости, скрывается».

Вероятно, каким-то образом Климов смог вырваться из цепких

рук чекистов и скрылся. Земляки не выдали своего руководителя.

Не так давно в селе Ляхи появилась улица Климова, названная в честь А.П.Климова, уроженца этой местности, руководителя Центросоюза СССР. Он немало сделал для развития села.

Но наша статья о другом Климове из села Ляхи — о том, кто начал неравную борьбу против преступной власти.

БУНТ В БУТЫЛИЦАХ

После протестов в Ляховской волости выступления крестьян начались в других деревнях и селах уезда. По архивным данным, только отряд Меленковского военкома несколько раз направлялся для их подавления в 11 населенных пунктов. Вскоре о непокорном уезде узнали и центральные власти.

В 30 километрах от Меленок находилось крупное торговое село Бутылицы. Ежегодно здесь проводились ярмарки с участием не только уездных, но и губернских купцов. Местные зажиточные крестьяне вагонами отправляли в города Центральной России зерно, картофель и другие продукты.

Когда в Бутылицах начались волнения, уездные власти и милиция не справились с ситуацией, поэтому на местную станцию прибыл отряд красноармейцев. В его задачу входила «борьба со спекуляцией хлебом методом его конфискации».

Председатель местного волостного исполкома Сизанов, предвидя, к каким последствиям может привести подобная акция, вместе со своими подчиненными попытался разоружить отряд. Но командир отказался подчиниться местной власти и на свою беду приказал задержать и опечатать три вагона с мукой. Ее хозяевами были богатые мужики из деревни Тимошино Архангельской волости, находившейся недалеко от Бутылиц. Вернувшись домой, они собрали митинг, и вскоре несколько сотен людей, вооруженных ружьями и вилами, поспешили в Бутылицы. По пути к ним присоединились крестьяне сел Архангел, Синжаны, Данилово, Коровино и Сафроново, а также Верхнеунженского железнодорожного завода. В районе деревни Вичкино повстанцы встретили продотряд, сопровождавший конфискованный хлеб. Пытавшегося сопротивляться солдата из отряда закололи вилами. Двух остальных избили и живыми закопали в землю.

В самих Бутылицах распространились слухи, что красные будут отбирать последний хлеб и резать скотину. За поддержкой крестьяне обратились в соседние волости, откуда немедленно пришла помощь.

Толпы крестьян с трех сторон вошли в Бутылицы. Кто-то ударил в колокол. Мятежников встретил председатель Сизанов, выступивший с речью против продразверстки. Он оказался однопартийцем ляховского Климова.

Малочисленный отряд красноармейцев был почти целиком уничтожен, разгромлена и станция. Телеграфист все же успел оповестить губернские власти о бунте в Бутылицах.

Через два дня туда прибыли отряды из Муром и Меленок, а из Москвы был направлен целый эшелон с латышскими стрелками с пулеметами на железнодорожных платформах. «Спецназовцы» той эпохи жестоко подавили бунт. С ходу они вступили в бой и преследовали крестьянские толпы по всем направлениям. Число погибших с обеих сторон до сих пор неизвестно. Разные источники называют цифры от 50 до 200 человек.

Зачинщики и участники мятежа были арестованы и расстреляны. Местные жители, опасаясь красного террора, укрылись в лесах, угнав скот и спрятав скарб.

Ревтрибунал наложил штраф на местную «буржуазию» в размере 2000 рублей. Крестьянский бунт признали кулацко-белогвардейским мятежом.

По официальной версии, восстанием руководили участники белогвардейского мятежа, случившегося в июле 1918 года в Муроме, полковник Беляев и подпоручик Дубенский, которые подстрекали крестьян к протестам и раздавали им оружие. Но очень сомнительно, чтобы два бывших военных смогли организовать тысячи крестьян на борьбу против власти.

На меленковском кладбище, возле церкви Всех святых, похоронили 12 погибших красноармейцев. На могиле установили памятник, который ныне частично разрушен. На небольшой плите почему-то выбита надпись «Член КПСС с 1919 года». Об убитых крестьянах, защищавших свое добро, власти вспоминать не хотели.

Однако расправа в Бутылицах не остановила крестьянские протесты в регионе.

Осенью 1918 года начался массовый призыв в Красную Армию. В результате в октябре-ноябре практически вся Республика Советов была охвачена крестьянскими выступлениями. Наиболее крупные из них, как свидетельствуют сводки штаба корпуса Всероссийской ЧК, были зарегистрированы в Рязанской, Московской, Тульской, Ярославской и Владимирской губерниях.

В КРАСНУЮ АРМИЮ НЕ ПОЙДЕМ!

Наибольшей организованностью, как сказано в документах расследования, отличалось выступление жителей Урвановской волости Меленковского уезда. 14 ноября 1918 года они отказались отдавать молодежь в армию и заменили сельсовет старостой. Призывники 1891 года рождения, обучавшиеся на курсах военного всеобщего, захватили оружие и выставили караулы на въезде в село. В ответ из Меленок был послан отряд (20 красноармейцев и дружинников с пулеметом). Во главе отряда добровольно встали инструкторы губернской ЧК П.П.Петров и П.С.Магничкин. 15 ноября отряд прибыл в Урваново. Крестьяне ударили в набат.

Как сказано в отчете, «тов. Петров и Магничкин, не принимая на себя ответственность за будущее, вооруженной силой не подавили восстание, а отступили. При этом отряд открыл ружейно-пулеметный огонь. Потерь с обеих сторон не было».

17 ноября начальник Меленковской ЧК М.Д. Смелов с отря-

Окончание на с. 11 ➤

На снимке: Александр Маслов, председатель Муромского «Мемориала».

Фото их архива автора

БОРЦЫ С ФАЛЬСИФИКАЦИЯМИ ИСТОРИИ

23 сентября состоялся онлайн-круглый стол «Чем грозит исследователям, науке и исторической памяти новый виток борьбы с «фальсификацией истории». Поводом для его проведения стало сделанное почти двумя неделями ранее, 10 сентября, заявление о намерении главы Следственного комитета России (СКР) Александра Бастрыкина создать отдел по расследованию преступлений, связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории.

Никита Соколов

Опасения, что новые правовые нормы, криминализирующие работу историков, могут привести к очень серьезным последствиям, высказал в начале круглого стола Константин Морозов, заместитель председателя Совета НИПЦ «Мемориал». Он напомнил о ситуации сталинского времени, когда история как наука была фактически уничтожена. «Тогда все историки должны были сверяться с «Кратким курсом истории ВКП(б)». Что же теперь — будет «Краткий курс ВКП(б) с древнейших времен?» — недоумевает Морозов. Он также выразил несогласие с самим понятием «фальсификация истории». «Речь пойдет об историках, противостоящих последним установкам «партии и правительства», или о чем-то другом? Здесь возможно множество очень болезненных вопросов», — отметил Морозов.

Участники дискуссии пытались ответить на вопросы Константина Морозова. Председатель Совета Вольного исторического общества Никита Соколов заметил, что «переписывание истории», на которое ссылаются сторонники борьбы с «фальсификацией истории», — это закономерный процесс. «Любой профессиональный историк скажет, что историческое знание — результат диалога с прошлым, когда историк задает вопросы. Создать единый временной нарратив не представляется возможным — историки следующих поколений адресуют в прошлое другие вопросы. И, в связи с этим, прекратить переписывание истории невозможно», — подчеркнул он. По словам Никиты Соколова, фальсифицировать историю нельзя вообще: «Можно фальсифицировать факты и документы, но не историю». Он отметил, что в рамках национальных нарративов часто возникают мифологические построения,

тщательно убирающие на задний план все неприятные для государства моменты истории. И именно их сторонники громче всего кричат о «переписывании истории».

Профессор Европейского университета Иван Курилла согласился с Никитой Соколовым, что фальсифицировать историю невозможно. «Фальсификация источников — известная вещь, а фальсификация истории — непонятно о чем идет речь», — сказал он. Работа историков может быть ограничена двумя способами (причем оба эти способа — дело рук государства): ограничение разрешенных для изучения областей истории и ограничение доступа в архивы. Иван Курилла отметил, что нынешняя ситуация в РФ «не внезапно возникла», это следствие политики, начавшейся с создания в 2009 году Комиссии по противодействию попыткам фальсифика-

ции истории в ущерб интересам России. Константин Морозов добавил, что именно теперь эта политика добралась до профессиональных историков.

«Историческая правда», которую государство защищает согласно последним поправкам в Конституцию, будет представлять, по предположению Ивана Куриллы, пропагандистские мифы. «Эталона истории нет, а эталон мифа — есть. Роль исторических фактов в этом случае играют мифы, сформированные предыдущими поколениями пропагандистов и идеологов», — заявил он.

Правящая в России группа «позиционирует себя как защитников священной памяти российского народа и, прежде всего, священной памяти солдат, погибших на войне», от внешних и внутренних врагов, — так объясняет профессор Европейского университета необходимость «исторической политики» для властей. При этом он подчеркнул, что российские историки как раз и опасаются того, что от борьбы с «внешними врагами» власть перейдет к поиску «внутренних врагов». Причем проблема, по мнению историка, заключается не только в том, что кого-то накажут, но главным образом в том, что значительное количество людей, опасаясь быть наказанными, отойдет от изучения «щекотливых» тем, прежде всего касающихся Второй мировой войны. Подобное запугивание — третий способ ограничения работы историков, еще один манипулятивный инструмент в руках государства.

Ян Рачинский, председатель правления «Международного Мемориала», заметил, что у российских властей имеется «госу-

дарствоцентричный» взгляд на изучение истории. «Всякое противодействие этому взгляду, по мнению властей, должно быть запрещено, а еще лучше — наказуемо», — отметил он. По мнению Рачинского, на сегодня нет реальной опасности массового преследования историков, но есть попытки «защиты истории» с помощью юриспруденции. «Если чего и надо опасаться, то это того, что какие-нибудь органы, вроде Роскомнадзора или Генеральной прокуратуры, будут наделены внесудебными полномочиями», — заключил он.

Игорь Степанов, экс-глава отдела международно-правового сотрудничества СК, эксперт «Открытой России», заявил, что решение главы СКР является следствием «реванша сталинистов» и предпринятой ими пе-

рестройки государства и правосудия. «Теперь, как и при Сталине, любой человек может быть осужден в любой момент. Но даже сталинистам комфортно наследовать только успехи и достижения: то есть победа в войне и полеты в космос были, а вот лагерей — не было», — отметил он. Степанов призвал историков изучать причины сталинистского реванша и его последствия для России.

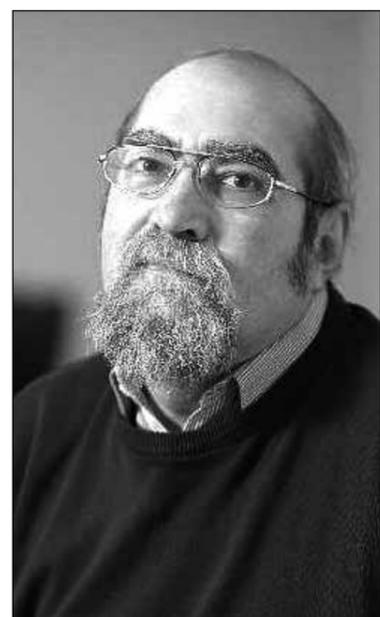
Руководитель международной практики Международной правозащитной группы «Агора» Кирилл Коротеев и директор Информационно-аналитического центра «Сова» Александр Верховский обратились к юридической стороне проблемы.

Верховский отметил, что он видит в нынешнем УК РФ два «ресурса» для возможного пре-

следования историков: ст. 205.2 («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма») и ст. 354.1 («Реабилитация нацизма»). Так, ст. 205.2 может использоваться в отношении историков, пишущих, к примеру, о чеченских войнах конца XX — начала XXI века. А ст. 354.1, по словам директора центра «Сова», содержит сразу три состава преступления. «Во-первых, это отрицание нацистских преступлений, признанных приговором Нюрнбергского трибунала. Во-вторых, это «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны». И третье — это «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России». При этом второе обвинение подразумевает наличие некоего стандарта знаний о поведении СССР во время войны. Возникает вопрос: где он есть? В третьем же составе самое загадочное — символы воинской славы, поскольку, в отличие от дней воинской славы, их списка не существует. В результате все это, при желании, можно применить не только к людям, пишущим в «ВКонтакте», — заключил Верховский.

Константин Морозов в ответ поинтересовался, не может ли расширительное толкование статьи 205.2 к ответственности могут привлекать историков, одобрительно высказывавшихся о противниках большевиков, поскольку с юридической точки зрения все противники боль-

шевиков могут быть причислены к незаконным вооруженным формированиям. К примеру, партия эсеров практиковала террор, самым известным случаем которого стало покушение Фанни Каплан на Ленина в 1918 году. Степанов частично успокоил историка, отметив, что, согласно изданному в 1996 году указу президента России Бориса Ельцина, была реабилитирована самая многочисленная группа противников большевиков — «участники крестьянских восстаний времен Гражданской войны», поэтому хвалить их можно безбоязненно. А Верховский добавил, что сроки давности по «террористическим преступлениям» Гражданской войны и более раннего времени давно прошли.

Кирилл Коротеев рассказал участникам «круглого стола» о существовании проблемы в виде Уголовно-процессуального кодекса РФ, не позволяющего СКР поставить процессы по ст. 354.1 УК РФ на поток. «Статья о реабилитации нацизма отнесена в УК к статьям о преступлениях против мира и безопасности человечества. Согласно УК, такие дела рассматриваются судом присяжных. А с присяжными у СКР не получается работать как с профессиональными судьями», — отметил Коротеев. Однако из этого правила есть исключения: если обвиняемый признал вину до суда, то его дело рассматривает профессиональный судья. При этом Коротеев напомнил о решении Верховного суда РФ по делу Валерия Лузина, приговоренного по ст. 354.1 в 2016 году к штрафу. «Суд приравнял к отрицанию приговора Нюрнбергского трибунала заявления о фактах, которые трибунал не рассматривал. Это напоминает безумие, но такое постановление Верховного суда угрожает исторической науке», — заявил Коротеев.

В заключение руководитель международной практики Международной правозащитной группы «Агора» посоветовал «не признавать вины и требовать суда присяжных».

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Никита Соколов,
Иван Курилла,
Ян Рачинский,
Александр Верховский,
(автор Дмитрий Рожков).
Константин Морозов.
Скриншот видеозаписи
«круглого стола».

ЯВАС КАК РОДИНА, или СВИДАНИЕ С МАМОЙ

➤ Окончание. Начало на с. 1

Кем же они были? «Агенты иностранных разведок, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и другие участники антисоветских организаций и групп, а также лица, представляющие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности». Это цитата из постановления Совета министров СССР № 416-159с от 21 февраля 1948 года. Какое поразительное бесстыдство: правительство огромной страны поставило на одну доску со шпионами и диверсантами представителей политической оппозиции, да и просто «правых». А ведь даже среди так называемых «агентов», «террористов», «антисоветчиков», да и «шпионов» с «диверсантами», большинство подверглось репрессиям без малейших реальных оснований.

Всего известно 12 особлагов. Названия им, почти всем, были даны «красивые», «живописные», «ландшафтные», что не раз отмечалось лагерными мемуаристами и исследователями: Минеральный, Горный, Дубравный, Степной, Береговой, Речной, Озерный, Песчаный, Луговой, Камышовый... Какая поэзия!

Только после смерти Сталина, да и то не сразу, разрешили и в «особых» лагерях свидания. В том июле я сначала съездил в Воркуту, где провел с отцом с глазу на глаз пятеро суток. Потом явился на свидание с мамой!

Вышел из поезда на станции Потьма (это лишь в 450 километрах от Москвы) и пешком дошел до станции «Потьма-2» — начального пункта узкоколейки, ведущей на несколько десятков километров в глубь огромной Темниковской лагерной зоны, или Дубравлага. На узеньких путях — крошечные вагончики, живо напомнившие мне Харьковскую детскую железную дорогу. Внутри вокзальчика — окошечко в стене: «Командатура. Бюро пропусков». Поезд в зону — примерно в семь вечера, командатура открывается где-то около шести. Снаружи на здании — вывеска: «Потьма-2». Невдалеке расположен один из древнейших в этих местах город Темников, давший первоначальное название всей здешней лагзоне.

Темников, Потьма... Темный характер этих мест (думалось мне) очевиден и воспринимаем на слух!

Просьбу предоставить свидание я опустил в шель специального ящичка, не забыв сослаться на официальный нам мамой «исходящий» номер разрешения на свидание, которое она получила. Где-то около 6-ти окошечко открылось. Одному из просителей, пожилому литовцу, тут же отказали в свидании с сыном, старик стоял и молча плакал. Но мне практически немедленно пропуск выдали. К низенькой платформе кроха-паровозик подал два вагончика, переделанных из товарных в пассажирские, и меньше десятка пассажиров заняли там места. Я купил билет до станции Молочница.

Потрясающе красивый, дремучий, вековой лес обступал дорогу слева и справа. Когда я вышел из вагона, увидел хорошо знакомые любому советскому человеку признаки «зоны»: колючую проволоку, распыленную между столбиками, контрольно-следовую полосу вокруг всей территории... Расконвоированные «зэчки» — украинки, к которым я обратился, даже фамилию моей матери не знали, но в это время из-за угла барачка показался бравый офицер с планшеткой, болтающейся у него сбоку на длинном ремешке.

— Ось у кого спитайте, — посоветовали мне девчата. — Це начальник режиму капітан Перетягін.

Я быстро вышел ему наперерез и остановил капитана на тропке, сказав, что прибыл на свидание с матерью, заключенной Маргулис.

— Маргулис? — переспросил режимник ожесточенно. Серые глаза его налились злостью, и он с очевидным удовольствием мне объявил, как отрезал:

— Ей свидание запрещено... Отменено! Езжайте обратно!

Но пятидневная беседа с отцом, который в «своей» лагерной Воркуте оказался лучше, чем мы на воле, осведомлен о происходящих в стране переменах, вселила в меня решимость противостоять произволу. И еще одно обстоятельство странным образом придало мне сил и достоинства. Мне бросилось в глаза небывалое, какое-то мистическое внешнее сходство этого лагерного «вертухая» с очень близким нашей семье человеком — другом моей сестры, молодым тогда поэтом Борисом Чичибабиным. Я едва верил своим глазам: передо мной стоял и зло, как солдат на вошь, смотрел на меня «перелетный» в форму капитана внутренних войск «Боря Полушин-Чичибабин», сам лишь три года назад освобожденный из Вятлага на Капе, возле города Кай, где отбывал пятилетний срок за дерзкие антисталинские «скоморошья» попевки:

«Хватит пальцем колупать / в ухе или в заднице — / подымайся, голытьба, / мать моя посадница... // Пропечи страну дохла, / песня-попновщина, / чтоб на землю не пришла / новая жовщина! // Гой ты, мачеха Москва, / всех обид расадница, — / головою об асфальт, / мать моя посадница!»

Я эти бесшабашные частушки запомнил с его слов еще в 1945 году, и сейчас мне стало смешно, как если бы в самом деле это он, Борис, стоял передо мною переодетый надзирателем и читал мне нотацию...

— Да слышите ли вы, что говорите?! — не на шутку разозлился я. — Мне мать сообщила, что я могу приехать на свидание с нею не потому, что вы его разрешили, — нет, разрешение дало ей **ВЫШЕСТОЯЩЕЕ РУКОВОДСТВО**. И не вам его отменять. Где ваш начальник лагпункта? Вы тут не главный. Я хочу говорить с ним!

— Хорошо, — согласился капитан, — идемте пока в «ленкомнату надзирателей» (!), я пойду ему доложу...

«Ленинская комната надзирателей» находилась в маленьком домике, притуленном почти что к самой оградке лагпункта. Перетягин вернулся, а с ним еще двое: начальник лагпункта подполковник Виноградов — простоватый и на вид незлой курносый дяденька — и лагерный «кум», то есть оперуполномоченный, — хитроглазый майор Демура. Все три офицера приняли мне жаловаться на мою несносную, недисциплинированную, невоспитанную маму: «Совершенно не желает считаться с требованиями режима!»

В ответ я сказал:

— Товарищи начальники, вы живете здесь, как в берлоге, и не хотите видеть, какие перемены происходят в стране. Вот, например, вчера расстреляли Рюмина — одного из тех, кто затеял провокационное «дело врачей». Моя мать сидит здесь не за что, без вины, не совершив никакого преступления, — вы это понимаете? Вот если вас вдруг посадить — вы как сидеть будете? Тихо-мирно?!

— Но я ей уже объявил об отмене свидания и от своего решения отступить не могу, — сказал подполковник.

— Я вас и не прошу — я хочу пожаловать ваше решение. Начальство обяжет — отступитесь. Где мне искать вашего начальника?

Подполковник Виноградов ответил, что управление лагеря расположено в Явасе — это еще несколько станций по узкоколейке, но сейчас уже поздно, там никого нет, да и первый поезд туда будет лишь в четыре часа утра.

— Я могу переночевать в ленкомнате?

— Ночуйте, — был ответ, — но будите к поезду некому...

Часов у меня не было. Как же не проспать? Где-то среди ночи, наугад, решил уйти, запер ленкомнату на выданный мне ключ, оставив там вещи и мешок с передежкой, и пошел на платформу. Дождавшись поезда, сел в него — и минут, должно быть, через сорок прибыл в «столицу мордовской Зэкляндии». Невдалеке от станции без труда нашел небольшое здание управления Дубравлага.

— Занятия начинаются с девяти, — сказал мне ночной сторож, и я отправился погулять по поселку. Он показался мне довольно большим и каким-то неприбранным, разбросанным, нерегулярным, очень похожим на гигантский хоздвор. Глаз не выявлял никакого намека на упорядоченность застройки, повсюду валялись всякие кучи: песка, земли, стройматериалов, рельсов, высились штабеля дров. Там и сям виднелись вышки охраны, заборы из колючей проволоки... Вот и магазин с вывеской «СельПО». Я туда зашел — и увидел унылый прилавок, на котором стоял эмалированный таз с водой, а в ней — куб сливочного масла: как я понял, то была замеса холодильника, бывшего еще в те времена редкостью не только в такой дыре... Помнится, набрел и на какую-то общедоступную столовку, чем-то там позавтракал и поспешил в управление Дубравлагом — к началу тамошних «занятий».

В длинном коридоре разыскал нужный мне кабинет, офицер, в нем сидевший, велел подождать, я вышел на улицу — и увидел спешившего в Управление капитана Перетягина (он прибыл следующим поездом). Кивнул мне и скрылся в давешнем кабинете. Вскоре меня позвали.

Вхожу. За столом сидит уже виденный мною хозяин кабинета, в чине и с лицом, которых я не запомнил. Напротив него, на стуле, — Перетягин с лицом Чичибабина. Сесть мне не предложили, разговор был короткий.

— Ваша мать систематически нарушает установленный для заключенных режим, — тихим, скучным голосом принялся втолковывать мне службист. — Мы готовы войти в ваше положение и все-таки предоставить двухчасовое свидание, но с тем, однако, условием, что вы серьезно поговорите с нею и убедите ее впредь не нарушать дисциплины. Однако свидание состоится в присутствии руководства лагпунктом, чтобы мы были уверены в выполнении вами своего обещания. Отвечайте: вы согласны?

Дорогой читатель, что мне было делать? Отказаться от свидания, ответить на унижение вызовом, уехать домой, не повидая маму и не дав ей помянуться со мной?

Я смирил свою гордыню — и дал проклятое обязательство.

Возвратились мы с Перетягиным в Молочницу вместе, и он по дороге рассказал мне, за что мама схлопотала себе наказание.

Она напряженно ждала моего приезда, а меня все не было. В воспаленном, больном сознании возникло подозрение, что я на самом деле приехал, но коварные лагерные начальники это от нее скрывают. Накануне моего приезда, утром перед разводом на работы, когда одна за другой покидали лагерь через распахнутые ворота группы зэчек под конвоем, она, давно «активированная», то есть не подлежащая по болезни использованию на производстве, подошла к начальнику лагпункта и потребовала, чтобы он сказал ей правду: «Сын приехал, приехал!»

— Он не приезжал — даю вам честное слово коммуниста! — ответил главный мамин страж. Ответил правду. Но истерзанная годами оскорбительной, вопиющей несправедливости, старая комсомолка и большевичка не поверила советскому служаке.

— Жопа ты, а не коммунист! — крикнула она ему в лицо. И... выбежала за ворота!

— Представляете, — делая круглые глаза, вразумлял меня главный надзиратель лагпункта, — ведь часовой с вышки имел полное право ее застрелить за попытку бегства! Он и выстрелил раз-другой, но в небо. А мог — прямо в нее!

Мог. Я это хорошо понимал. Поезд: оказался в ту минуту на вышке мягкосердечный часовой гуманнейшего в мире государства, на знаменах которого написано: «Если враг не сдастся...».

Мне сообщили, что свидание состоится все в той же комнате имени Ленина (которого мама моя в Москве 1919—1920 годов видела много раз и очень близко... Например, была на том торжественном собрании, которое 23 апреля 1920 года организовал Московский Комитет РКП(б) в честь 50-летия Ильича. Сам юбиляр выступил там с речью, процитировав пророчество Карла Каутского: «Как бы ни окончилась теперешняя борьба в России, кровь и счастье мучеников, которых она породит, к сожалению, более чем достаточно, не пропадут даром. Они оплодотворят всходы социального переворота во всем цивилизованном мире, заставят их расти пышнее и быстрее». Как в воду глядел — но и пальцем в небо попал немецкий теоретик, а потом и ренегат классического марксизма: кровь и счастье мученицы русской революции — моей мамы, а вместе с нею миллионов других, ей подобных, — кому они нужны сейчас, кого интересуют? Кого и чем «оплодотворяют»? Разве что нас, их ближайших потомков, которые (нет, некоторые из них), как случайная моя иерусалимская знакомая и неслучайная поэтесса Зинаида Паланова, мучительно хотят узнать, понять, вникнуть, чем же была и чем же стала их и наша общая родина: все эти явасы и потьмы, магаданы и сусуманы, тайшеты и джезказганы?

...Я не был знаком с Зинаидой Палановой, но читал ее стихи в печати. Я написал ей то, что знал о Явасе. Но и сам заинтересовался этим поселком. Ему, как оказалось, посвящен особый сайт, в составе которого — историческая справка, где не без некоторой патристической гордости сообщается не только то, что в Явасе родился космонавт Дежуров и кто-то из знамени-

тых спортсменов, но и что здесь отбывала наказание как ЧСИР («член семьи изменника Родины») «Герой Социалистического Труда, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Н.И.Сац, с чьим именем связано становление первого в мире театра для детей». Я мог бы пополнить «копилку» явасских краеведов именами таких известных миру сидельцев 1950-х годов (одновременно с мамой), как писательница Галина Серебрякова, несколько позже — гражданская жена Б.Пастернака Ольга Ивинская, в 1960-е годы — писатель Юлий Даниэль, в 1970-е годы — историк и публицист, ныне израильтянин Михаил Хейфец, замечательный украинский поэт Василь Стус...

Достойна гордости своих компатриотов как прекрасный русский поэт уроженка Яваса Зинаида Паланова. Интересно, что в своих стихах дочь отсидевших срок и расконвоированных «врагов народа» — местечковой еврейки из Белоруссии и каракалпака из Узбекистана — неоднократно упоминает свою «малую родину», с нею связывая некоторые «врожденные» черты своего характера...

«Поднимаю сломанные ветки, / подбираю павшие цветы, / в банку ставлю эти букетики / бедной красоты. //...Объясни мне, мой Творец, Господь мой, / мне, родившейся за непроглядной Потьмой, / отчего к спасенью эта страсть? / Мне ведь и самой дано пропасть. / Видно, в местности той изможденной / столько тьмы скопилось в годы те, / что любой ребенок, там рожденный, / был заначкой света в темноте. //...Не в потемках, а в потомках — предки... / Дни мои стремительно просты. / Поднимаю сломанные ветки, / подбираю павшие цветы».

...Но вернемся в те темные времена, раз уж я на склоне лет решился, наконец, описать подробно один из самых тяжелых эпизодов жизни своей.

В «ленинскую комнату надзирателей» входят ее хозяева. Ставят по середине стул («Это для вашей матери»), перед ним, лицом к нему, другой («Садитесь: это для вас»). За моей спиной рассаживается вся праваящая камарилья лагпункта: сам начальник, его замы, еще несколько офицеров... Все два часа маме предстоит видеть за моей спиной обращенные к ней опостылевшие и ненавистные физиономии. За окном поставили снаружи одного конвоира с карабином, другой такой же пост учредили у входа в здание. Впечатление такое, что сюда готовятся привести разбойника с большой дороги, не иначе как молодого и сильного, типа Владимира Дубровского.

А вводят — и тоже под конвоем — маленькую, простоволосую, наполовину седую, с затравленным лицом, растрепанную женщину, в которой я с трудом узнаю собственную мать... Это первое впечатление, когда мне на какую-то секунду почудилось, что ее подменили, что ошиблись или нарочно привели какую-то другую старуху, да притом и с ожесточенным, злым выражением лица — это впечатление каким-то чудом, психологическим казусом живет во мне все эти долгие годы, хотя прошло более полувека! Нет, я узнал, признал ее немедленно, мы расцеловались, и это была она, безусловно она, — вот она, большой палец ее правой руки, весь покрытый розовым родимым пятном, — я в детстве называл его «красный пальчик» и, нежничая, целовал. Но что-то было в ней чужое, резкое, даже отталкивающее, какая-то неутоленная злоба... Ее снадела глужая обиды, ненависть к тем, кто запер ее и стерег. И даже в чертах лица отразились эти болезненные, раздирающие ее душу чув-

1. Родители Феликса Рахлина были членами КПСС, отец преподавал в военной академии, мать — парторгком. В 1936 году в Харькове обоих исключили из партии «за участие в оппозициях» и связь с другими оппозиционерами, в 1950 году они были арестованы и осуждены во внесудебном порядке приговором Особого совещания к 10 годам лагерей (последствия, после XX съезда КПСС, были реабилитированы и освобождены).

ства: глаза стали какие-то раскосые почти по-монгольски.

Прежде всего, я рассказал маме о недавней встрече с отцом, о его негиблом мужестве и оптимизме, об известных уже и по газетам, вселяющих надежду переменам в общественном климате страны. Я пытался обнадежить ее больше, чем был обнадежен сам, — и, однако, даже не предвидел, что всего лишь через год она окажется на свободе, а через два она с отцом будут полностью реабилитированы. Конечно, я добросовестно выполнил свое обязательство: стал маму уговаривать вести себя по установленному в лагере порядку...

Я настолько был поражен редким сходством Перетягина с Чичибабиным, что решил удостовериться, заметила ли она это сходство.

— Мама, ты обратила внимание, на кого из наших знакомых похож ваш начальник режима? — спросил я без обиняков.

Она заулыбалась и уверенно ответила:

— На Бориса!

Я потому еще вспоминаю этот факт, что в свое время на меня сильно обиделась милая вдова поэта — Лиля Карась-Чичибабина: зачем-де я написал (в своей книге воспоминаний о нем) о его сходстве с каким-то «вертухаем»? Каюсь, и сам тогда не знал, зачем... А вот теперь, кажется, понял. Может быть, именно для того, чтобы подчеркнуть: насколько же выше, значительнее суть человека, чем его

внешняя оболочка?! Простите меня ради бога, дорогая и добрая Лилечка, уж я никак не сопоставляю этих двойников, — напротив, противопоставляю одного другому — конечно же, в пользу Поэта...

— Свидание окончено! — прогремел голос. Мама изменилась в лице, начала умолять начальство, сидевшее у меня за спиной: «Ну, еще немножечко!»; «Ну, еще несколько минут!»; «Ну, еще только минуточку!!!» — Бесплезно! Подполковник Виноградов жестким голосом объяснил, что ему пришлось задержать конвой, не отпустить людей на обед, конвоиры не ели, и он не может более задерживать их ни минуты.

Мне разрешили проводить маму до вахты — проходной возле ворот, и я переложил содержимое привезенного мною рюкзака с продуктами в мамин мешочек. Она стала просить меня отдать ей передачу вместе с рюкзаком, но это был рюкзак Гали, моей двоюродной сестры, которая строго мне сказала перед отъездом: «Смотри не порви и не запачкай, верни таким же чистеньким», а я Галю, с ее твердым, решительным характером, побаивался... Теперь простить себе не могу, и не прошу до конца дней этой своей душевной слабости. Тем более, что, когда, вернувшись в Химки, рассказал ей о маминой просьбе, она ответила: «Зря не отдал!»

В сопровождении злющих от голода конвоиров мы шли к вахте, а в это время к воротам подвели прибывшую с работы очередную пар-

тию эзек — тоже под конвоем, да еще и сопутствующих «лучшими друзьями человека», рвущимися с поводков, — надо думать, тоже проголодавшимися...

— Смотри, смотри! Ты видишь, как нас охраняют?! — полупешотом говорила мне мама.

Я видел, у меня сердце рвалось от боли и жалости, и... хотелось поскорее расстаться с матерью, чтобы не длить ее и свои душевные страдания. Мы обнялись, расстались — и ее поглотила неумолимая пасть неволи. Меня душили рыдания, и я бегом кинулся обратно, в опустевшую ланкомнату, где ничком упал на половицы, разрыдавшись, как ребенок, содрогаюсь всем телом...

Успокоившись, вышел на крыльцо, и тут единственный раз в жиз-

ни испытал слуховую галлюцинацию. Крыльцо было совсем недалеко от лагерного забора, и мне явственно послышались рыдания матери. Конечно, то была лишь иллюзия, но я повел себя так, как человек с помутившимся рассудком: принялся громко утешать

свою мать, рассказывать, как мы любим ее и ждем, обещать скорую свободу...

Мама! Нынешнее понимание истории нашей «бывшей» родины далось мне ценой тяжелых раздумий. Ты не успела дожить до полного осмысления ложности избранного тобою с отрочества пути. Но прозрение началось и у тебя. Хрушев, с именем которого ты связывала реабилитацию тысяч неви-

новных, был осенью 1964 года снят и отправлен на пенсию, якобы в связи с болезнью. Тебя в те дни поразил инфаркт миокарда. Перед смертью ты спрашивала у врача, имея в виду сменившее его руководство: «Зачем они врут?»

Ты часто снишься мне, мама. Несколько раз повторялся один и тот же сон: ты вернулась, мы счастливы — ты, я и Марленка. Как вдруг вспоминаем: а где же папа? Он — в лагере, в Воркуте, мы забыли о нем... Проснувшись — понимаю, откуда этот сон: ведь уже после реабилитации девчонка-служащая из облуправления МВД забыла вовремя отправить в лагерь документы, и он томился в неволе лишние пять недель... «Чудно же обло, огромно, озорно, стозевно и лайя!» — вот чем в еще большей мере, чем при Радищеве, была наша родина. И пока осознание этого ее облика не будет усвоено всеми ее жителями, нынешними и бывшими, не быть ей иной.

Потому что она и теперь — необъятный, прекрасный и страшный, в чем-то изменившийся, но во многом прежний, склонный к угрозам, неприбранный, разброшенный и бестолковый. «Я ВАС!»

2. Эпиграф к книге Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

На снимках: Феликс Рахлин, 2010-е гг.

Блюм Абрамовна Маргулис, комиссованная из лагеря по состоянию здоровья, с внуком Евгением Захаровым, 1955 г.

РЕГИОНЫ

Не одно советское поколение выросло на рассказах (в основном, «о Ленине») знаменитой писательницы Зои Ивановны Рыбкиной-Воскресенской. Но это было позже, когда Воскресенская сняла погоны и вернулась из Воркутинского лагеря. Она не была заключенной, наоборот, два года прослужила офицером в политотделе. Ее воспоминания об увиденном там — важное свидетельство жизни заключенных в лагере.

ВОРКУТИНСКИЙ СТАЖ ЗОИ ВОСКРЕСЕНСКОЙ

В конце 1953 года, после смерти Сталина, среди арестантов оказался старый боевой товарищ Зои Ивановны — Павел Судоплатов. Рыбкину (она сменила фамилию после выхода замуж) выдвинули в партком Управления внешней разведки, но она отказалась, заявив, что не считает себя вправе быть членом парткома, так как Судоплатова обвинили незаслуженно. Была за это уволена «по сокращению штатов», не дослужив до пенсии всего один год. Будучи человеком волевым, Рыбкина решила пойти по инстанции и добиться справедливого разрешения своего дела. В результате ее направили в распоряжение Воркутинского лагеря для особо опасных преступников.

Появление Зои Ивановны в Воркуте произвело сенсацию. Оказалось, что во всей Коми АССР появился первый полковник, и тот — женщина! Даже местный министр внутренних дел — майор, а начальник внутренних войск — подполковник. Зоя Ивановна — красивая, обаятельная женщина, всегда следила за собой. Мужчины стали подтягиваться, чтобы соотвествовать. В местных парикмахерских второе увеличилась клиентура, а в парфюмерном магазине раскупили весь одеколон. Под разными предлогами к ней в кабинет заходили начальники и сослуживцы из других отделов. Все решили, что в Воркуту Рыбкину сослали за какие-то грехи, придумывались разные истории, высказывались всевозможные версии. Быстро пролетели полгода, что засчитывалось за год службы. Она могла уйти на пенсию по выслуге лет, но произошло слияние бандинского лагеря с Особым, где содержались политические заключенные, и Рыбкину назначили начальником спецотдела объединенного лагеря, насчитывавшего до 60 000 заключенных.

По указанию Центра, с заключенными рекомендовалось вести политико-воспитательную работу. Политотдел привлек З.И.Воскресенскую в качестве лектора-международника. Она выезжала в воинские части, бывала у заключенных, работавших в шахтах, в отделениях Особого лагеря. На лекциях, проходивших обычно в столовых, было всегда много народа. В то время Зоя заболела цингой, черные пятна покрыли ноги. Врачи рекомендовали вводить внутривенно витамины С-1 и делать ручной массаж. Прислали расконвоированного, бывшего личного массажиста президента Эстонии Пятса. В 1930-е годы он принес пользу советской резидентуре.

Из личных воспоминаний Рыбкиной-Воскресенской: «Много десятков тысяч дел хранит воркутинский архив. Среди них дела на матерых бандитов, убийц, насильников, грабителей. Но там же в алфавитном порядке соседствуют дела таких «преступниц», как многолетние женщины, каждая из которых украла на прядильной или ткацкой фабрике моток пряжи или ниток ради того, чтобы заштопать чулки себе или ребенку. Или дела на опоздавших на работу, виновные получали по пять лет заключения, а их детей на эти годы власти отправляли в детские дома. Очень круто судебные органы осуждали людей, у которых бандеровцы — украинские националисты — под угрозой оружия забирали кур, яйца, хлеб. Этих ограбленных мирных жителей обвиняли «в помощи контрреволюционерам», и им давали аж до 15 лет. Сталинский указ действовал безотказно.

В самом страшном положении в лагере находились женщины. Заключенные в женском отделении работали на кирпичном заводе. Я добиралась туда в корзине, которую передвигали по тросу, протянутому над рекой Воркутой.

В тот день мороз был 30—35 градусов. На кирпичном заводе в это время раздвигались ворота в грандиозную печь. В ней обжигали кирпич. Женщины в толстых рукавицах и тяжелых сапогах грузили на тачки и вывозили из этого ада кирпич. Я шагнула в эту печь и тут же вылетела обратно, боясь сгореть, а они выполняли норму.

После рабочего дня я зашла к женщинам в барак и увидела, что каждая из них создала на своей наре свой мир. Вышитые, обвязанные кружевом покрывала, белоснежные подушки и расставленные по всей постели иконки, фотографии в рамках, главным образом детей, цветные открытки, клубки со спицами. Посредине барака стоял большой стол, покрытый свежей скатертью. Женские руки даже это тюремное помещение сумели украсить. Полы чисто выскоблены, и на печке, которая топилась, были навалены роботы, рукавицы. От них шел вонючий удушающий пар».

При 2-й шахте действовало дамское ателье, в нем обшивали воркутинских женщин. Возглавляла это ателье расконвоированная заключенная Оля, осужденная на двадцать пять лет «за сотрудничество с гитлеровскими оккупантами». В лагере Оля отсидела уже более десяти лет. Поскольку она знала немецкий язык, в орловском военкомате ей предложили стать разведчицей: заслужить в оккупации доверие гитлеровцев, выяснить их планы, потери, настроения. Два раза в месяц она должна была являться в условленное место и закладывать в тайник свое донесение, вынимая очередное задание. Оля легко справлялась со своей миссией, но что-то пошло не так: донесения так и лежали, а новых инструкций не поступало. Оккупация Орла длилась более 20 месяцев. После освобождения города советскому командованию посыпались донесения о

предательском поведении «девки Ольги», которая плясала с эсэсовцами в ресторанах, пила с ними вино и водку, развезжала в их автомобили. Она была арестована и как военный преступник предстала перед трибуналом. Из ее рассказа по специфическим деталям вытекало, что она говорит правду, и Зоя Ивановна посоветовала ей подробно описать свои злоключения, чтобы просить Верховный суд пересмотреть ее дело. Олина исповедь отправилась фельдсвязью. Через несколько месяцев пришел правительственный конверт с постановлением о полной реабилитации Оли «за отсутствием состава преступления». Кстати, шофер ЗИСа, закрепленного за Воскресенской, тоже расконвоированный, был бывшим путилевским рабочим, осужденным на 25 лет «за теракт против Сталина» (в пьяном виде запустил камнем в портрет вождя).

Воркута после двух лет стала для Зои Ивановны жизненной школой — познакомила с тысячами изломанных, исковерканных судеб. «За работу в лагере я не получила наград или благодарностей. Никаких, — писала она. — И сегодня со светлым чувством вспоминаю самый большой подарок, полученный мною. Это были два волшебных белоснежных кустика флоксов. Их вырастили для меня заключенные шахтеры и преподнесли мне зимою, принесли на квартиру в сорокаградусный мороз. Флоксы были уложены в старый каркас абажура и бережно закутаны в лагерные куртки. Таких душистых цветков белее воркутинского снега я никогда не встречала: настоящая награда!»

В 1956 году в звании полковника МВД СССР Воскресенская уволилась в запас, ей было 48 лет. Незадолго до своей смерти в 1992 году З.И.Воскресенская узнала, что ее рассекретили, и, будучи тяжело больной, принялась в спешном порядке за рукопись. Основу очерка составили выдержки из ее книги «Теперь я могу сказать правду».

Елена СЕРЕГИНА, Тульский «Мемориал»

На снимке: Зоя Воскресенская, 1950-е гг.

К ИСТОРИИ СВОБОДНОГО СЛОВА В МОСКВЕ

Научный проект «Неофициальные периодические издания в советской России / СССР (1917–1955)» открывает новую страницу в изучении свободы слова и печати в нашей стране. За него взялась программа «История инакомыслия в СССР», чьи исследования, как правило, сосредоточены на другой эпохе — постсталинской. Авторы проекта привлекли роль первопроходцев — ведь справочник, который станет основным итогом работы, создается впервые.

Сейчас в материалах к справочнику (в словнике) учтено 225¹ названий вольной периодики. Для сравнения — за 1956–1986 годы каталогизировано 302 названия. Огромные просторы России/СССР — не единственная причина, по которой целенаправленная каталогизация неподцензурных изданий 1917–1955 годов началась только в XXI веке. Вплоть до Перестройки она оставалась рискованным объектом для исследований. С диктатурой вольная печать несовместима, и в ее изучении возник разрыв.

«Конец истории», по версии коммунистов, к счастью, не состоялся. Но давление идеологических табу ощущается и в наши дни. Они видны в обзорных работах по отечественной истории. Возьмем, например, современные вузовские учебники источниковедения. В главах о дореволюционной эпохе ценность свободной печати как исторического источника не подвергается сомнению. Но внезапное «исчезновение» таких замечательных источников после захвата власти большевиками никак не объясняется.

Конечно же, после октября 1917-го независимая периодика не исчезла, более того, стремление людей к свободе слова не смогло уничтожить самые жестокие репрессии, даже Большой террор.

Справочник, о котором идет речь, призван восстановить преемственность в изучении этого типа исторических источников. Ценность независимой периодики незаменима для адекватного представления об общественных настроениях, о политике властей (особенно о тех ее сторонах, свободное обсуждение которых не допускалось), об авангардных поисках в сфере культуры.

Исследователям вольной печати хорошо известен характерный признак ее архивной судьбы — рассредоточенность, распыленность по многим хранилищам, не только в разных регионах, но и в разных странах. В таких условиях крайне затруднено целостное восприятие феномена неподцензурных изданий, подобное тому, как это случилось с Самиздатом. «Железный занавес» и неконсолидированность анти- и меньшевистских сил по обе стороны от него оставили вольную печать без масштабных архивных и музейных коллекций. Насколько нам известно, ни в России, ни за ее пределами идея такой коллекции не выдвигалась. С помощью современных технологий ее можно создать в цифровом формате. Поэтому нам как составителям справочника представляется важным пригласить к взаимодействию в работе над ним архивистов и библиографов. К тому же, скоро исполнится полвека с момента выхода в свет каталога, который стал результатом сотрудничества многих библиотек и архивов. Речь идет о «Сводном каталоге русской нелегальной и запрещенной печати XIX века»².

Нередко имена участников независимых изданий остаются неизвестными. Поэтому мы хотим обратиться к людям, которые за-

нимаются воссозданием истории своих семейств. Ваша помощь невероятно значима, ведь справочники «Мемориала» выполняют гуманитарную миссию возвращения памяти о человеке. К публикуемым позициям словника добавлены комментарии, в них включены сведения о репрессиях против издателей и участников независимой периодики, а также краткие биографические сведения о тех, кто подвергался преследованиям. Так, например, журнал «Русское вольное философское общество» — по заключению следствия, группа вела «антисоветскую агитацию», подготавливая выпуск нелегального журнала». 34 человека были приговорены по

Здесь помещены только два примера из московской выборки, авторскую версию публикации, включая всю выборку из словника, можно увидеть по ссылке на документ <https://clck.ru/RMJA>. Партнерами в нашем проекте стали Государственный архив Российской Федерации и интернет-проект «Открытый список».

КРАТКИЙ ОБЗОР МОСКОВСКОЙ НЕЗАВИСИМОЙ ПЕРИОДИКИ 1917–1955 ГГ.

Москва выделяется на фоне других городов не только по количеству названий³, но и качественно. Независимая издательская активность в этом городе в целом была стабильней, интенсивней и разнообразней, чем в других регионах. В XIX — начале XX века лидирующая позиция принадлежала Санкт-Петербургу (Петрограду). В 1918 году Москва вновь обрела столичный ранг, с этого време-

Динамика издательской активности в Москве неравномерна. На 1920-е годы приходится 59 названий — это 81% от всего московского корпуса и около 26% от общего массива словника⁴.

Отмеченный всплеск обусловлен несколькими факторами. Из них следует назвать экономический (НЭП) и некоторую политическую либерализацию, провозглашенную в 1921 году. Другим значимым фактором было существование оппозиционных социалистических партий меньшевистского толка. Вытеснение эсеров, меньшевиков, анархистов с политической арены началось практически с первых дней большевистского переворота. Бывших соратников по борьбе с царизмом поначалу преследовали не слишком жестоко. Социалистические партии формально не запрещали, но довольно быстро у них отобрали легальные возможности вести политическую деятельность. Их издания, включая периодику, преследовала цензура.

этому делу ОСО при Коллегии ОГПУ (10.05.1933). Из них в лагерь попали семеро: А.С.Бобров получил 10 лет, А.М.Шайкевич — 8, Л.Н.Кулькова — 5 и четверо — по 3 года. Остальных при судили к высылке или условному сроку. Среди отбывших 3-летний срок был ученый генетик Владимир Павлович Эфроимсон (1908–1989). Руководителем организации следствие объявило бывшего скаута А.М.Шайкевича. Шайкевич Андрей Мартынович в 1928-м выслан на 3 года в Тамбов за скаутскую деятельность, в 1933-м — заключен в Соловецкий лагерь (однако нам неизвестно, инкриминировалась ли ему попытка издания журнала), где был расстрелян 3 ноября 1937 года.

Редактором «Бюллетеня Российского социал-демократического союза рабочей молодежи» (Бюллетень РСДСРМ) был Андрей Сергеевич Кранихфельд, руководитель Московской группы РСДСРМ. Он неоднократно арестовывался ВЧК. В феврале 1922-го выслан в Курскую губернию. Бежал, перешел на нелегальное положение. После ареста непрерывно находился в лагерях, ссылках и под надзором. Расстрелян в Красноярске (29.07.1938).

ни официальные и неофициальные издательские проекты стали концентрироваться в ее пределах.

Консолидированные данные о московской вольной периодике 1917–1955 годов включаются в научный и общественный оборот впервые. Самонадеянно было бы полагать, что перед нами эталонная статистическая картина. Например, некоторые позиции из словника могут не войти в справочник или переместиться в приложение к нему. В московской выборке подобных записей всего 11, из них почти половина (5) — об изданиях, захваченных органами госбезопасности еще до выхода в свет.

Полулегальные издания стали предметом дискуссии между составителями. К.Попов считает их присутствие допустимым, а Г.Кузовкин полагает, что для этого необходим ряд условий.

Московский корпус в материалах к справочнику состоит из 73 позиций, что составляет около 32,4% от общего количества позиций словника (225). От Москвы сильно отстает ближайший конкурент — Петроград/Ленинград (27 наименований, или 12%). По 5 позиций — у двух крупных городов Украины (Харькова и Одессы), на одну меньше у Киева — 4.

Попытки игнорировать идеологический контроль пресекались. Тем не менее, социалистическим партиям до начала 1920-х все же удавалось сохранять свои организационные структуры. Ощутимую роль играл их богатый опыт подпольной работы, который был значительно продолжительнее, чем пребывание в легальном поле. Неподцензурная издательская активность социалистических партий стала самой интенсивной в 1921–1924 годах.

Чтобы лучше представить себе партийную печать в Москве, приведем общие данные об изданиях политической направленности. Таковых учтено 40 — это около четверти (26%) от всей подобной рода периодики, включенной в словник (155 позиций), и несколько больше половины от выборки московских изданий (55%). В Петрограде/Ленинграде нами выявлено в три раза меньше⁵ названий политической периодики — 12 из 27 (около 44% от всей ленинградской выборки).

Социалистические партии оставили заметный след в московской неподцензурной периодике: это 34 названия (46,6%). Если рассматривать политическую палитру периодической печати столицы, то издания мень-

шевиков, эсеров и анархистов доминируют в ней (85%).

С разгромом меньшевистских партийных структур и арестами их участников этот вид печати во второй половине 1920-х годов исчезает полностью. В 1930–1950-е годы политическая периодика свелась, главным образом, к продукции разрозненных молодежных групп, как правило, не встречавшей широкой аудитории (не касаясь сейчас западных регионов СССР, присоединенных в начале Второй мировой войны, но и там к началу 1950-х ситуация стала сопоставима с общесоюзной). Сколько-нибудь массовое тиражирование исчезло, вернулось догутенберговское переписывание от руки. Такие технологии уже в меньшей степени являлись «привилегией» столицы.

Что касается другой ветви московской неподцензурной периодики — непартийной, то она тоже демонстрирует столичное лидерство: 33 названия из 70, или 47% всех известных нам изданий этой направленности. В Петрограде/Ленинграде их учтено вдвое меньше — 15 (около 6,7%). Остальные 22 наименования, выпущенные за пределами столиц, распределены по регионам России и СССР так: 10 — в Сибири, 6 — в Поволжье, 3 — на Урале, 1 — на Кубани и 2 — в балтийских республиках.

Внутри категории позиции примерно поровну поделены между изданиями литературными, искусствоведческими, религиозно-философскими (например, толстовскими). Издания, посвященные литературе и искусству, в сумме дают 13 позиций (около 18%). В отличие от Москвы, в Петрограде/Ленинграде непартийные издания вышли на первое место (56% против 45% для Москвы), что примечательно для города, которому предстояло стать центром литературной периодики в самиздатские времена.

С ужесточением режима в 1930-е годы во всей стране характер независимой издательской деятельности меняется, все виды вольной печати заметно угасают. Вплоть до 1953 года любая несанкционированная попытка выпустить периодику (не только политическую) была небезопасной. Коллективность, характерная для подобных попыток, годилась для сколачивания группового дела.

За резким спадом активности в 1930-е следует заметный всплеск в 1940-е. Прирост в общесоюзной статистике произошел за счет периодики национально-освободительных движений, развернувшихся на территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах⁶.

С 1935 года по 1940 год в Москве не зафиксировано ни одного независимого издания. Последним под 1934 годом числится журнал «Зубоскал». Коллеги-мемориальцы обнаружили его в 2018 году. Рукописный юмористический журнал сохранился в архивно-следственном деле, которое завели на составителей. Они выпускали «Зубоскал» в дачном подмосковном поселке возле станции Салтыковская (в 20 км от столицы).

С началом 1940-х годов выпуск периодики возобновляется. В Москве за 15 лет (1940–1955) зафиксированы сведения всего лишь о шести самостоятельных журнальных проектах. Столько же учтено в Ленинграде. В споре двух столиц позиции Москвы ослабли. За те же годы выявлено 14 издательских начинаний в Астрахани, Воронеже, Краснодаре, Свердловске и Челябинске. Это больше, чем в Москве и Ленинграде, вместе взятых.

В это время наблюдается еще одна особенность: в Москве,

как и в других регионах СССР, инициатива переходит к молодежи. Пять из шести известных нам московских изданий готовились учащимися — школьниками и студентами, сообщение о шестом исходило от молодого человека. Школьниками составлялись «Звонок» (1940—1941) и «Сталинизм как разновидность бонапартизма» (1946). В литературном журнале «Звонок» участвовал будущий писатель и политзаключенный Андрей Синявский.

К студенческой периодике относятся два литературных альманаха — «Измизм» (1944) и «Атлантида» (1944). «Измизм» издавали первокурсники режиссерского факультета ВГИКа. Составители «Атлантиды» учились в МГУ и в нескольких институтах — Нефтяном,

Москвы, но и для России в целом. С 1950 года по 1954 год на территории РСФСР известна единственная инициатива ленинградских студентов (1952 год), хотя ее отношение к периодике сомнительно⁸. В 1951, 1953—1954 годах нами не зафиксировано ни одного издания во всей России⁹. Робкие намеки на пробуждение появились только в 1955 году в столицах. В городе на Неве первым постсталинским альманахом стал «Голубой бутон». Студенты филологического факультета ЛГУ выпустили единственный номер в ноябре. В отличие от московского «Счастливого» сведения об этом альманахе не эфемерны. Он удостоился разгромной статьи в официальной печати.

Природа обнаруженной паузы требует изучения. Вполне возможно, в будущем выяснится, что сведения за эти годы были недоступны из-за закрытости архивов. Все начнет меняться в 1956 году, но это уже другая история.

Хочется поблагодарить всех, кто уделил нам время, консультировал и помогал в исследовании. С признательностью назывем имена: Г.Бараев, И.Гордеева, Дм.Зубарев, Дм.Козлов, Конст. Львов, М.Павловец, Н.Петров, Дм.Рублев, Е.Савенко, О.Симонова, Г.Суперфин, С.Филиппов. Особо упомянем Анну Комароми. Каталог периодики Самиздата, который возник благодаря ее усилиям, вдохновил нас, и нам захотелось увидеть, что же предшествовало самиздатовской журналистике, где ее истоки.

Геннадий КУЗОВКИН,
Кирилл ПОПОВ

В словнике три раздела, они пронумерованы римскими цифрами. В основном разделе (II) позиции упорядочены по алфавитному принципу, по начальным буквам названий. Два других раздела (I и III) вспомогательные, там позиции расположены в хронологической последовательности (по году выхода в свет первого номера). В разделе I объединены записи о тех изданиях, названия которых не установлены. Раздел III был создан, чтобы учесть и представить периодике, обнаруженную во время работы над этой публикацией.

На снимках: Коллаж Российской национальной библиотеки
Геннадий Кузовкин,
Кирилл Попов
Фото из архивов авторов.

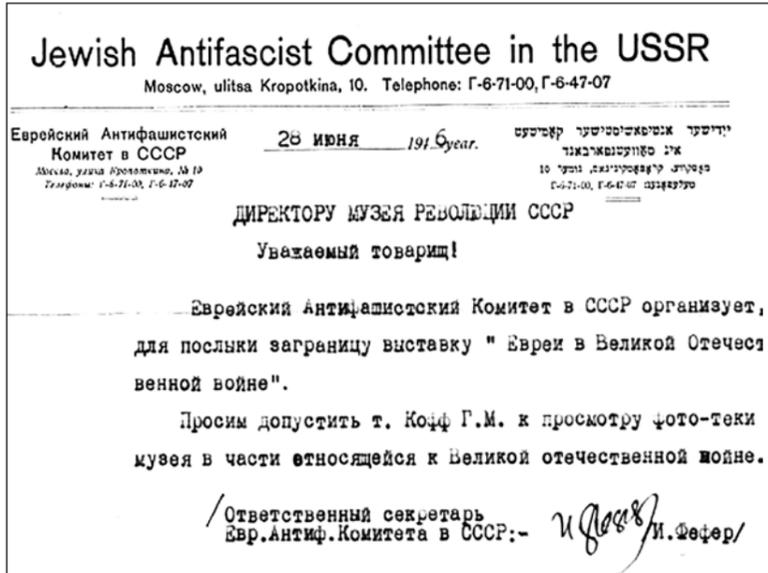
иностранных языков (один был экс-студентом Литературного института). Сложнее с газетой (или журналом?) молодежного политического кружка «Союз друзей/ Коммуна». Его основали в 1948 году друзья-старшеклассники, которые тем же летом поступили в различные вузы — Горный, Геолого-разведочный, Инженерно-строительный, Электротехнический институт связи и другие. Для юношеских кружков много значила атрибутика: у группы были членские билеты, взносы, торжественная клятва, флаг. Видимо, печатный орган «Союза» появился в качестве еще одного атрибута. В конце 1949 года участники группы почувствовали неладное, а в феврале 1950 года начались аресты. Поэтому издание «Союза», о котором мало что известно, отнесено нами к концу 1940-х годов.

С наступлением 1950-х годов независимая издательская активность в Москве замедляется. Пауза длится не менее пяти лет — до 1955 года. Строго говоря, сведения о единственном московском журнале 1955 года выглядят легендарными: «Один из прибывших [в Израиль], молодой человек, уроженец Москвы, рассказал следующее... «Систематически по субботам в Москве стал появляться юмористический антикоммунистический журнал. В поисках его МВД испортило себе немало крови, но не может обнаружить его издателей. Журнал решительно атакует коммунистическую власть... Журнал этот называется «Счастливые»». Свидетельство молодого эмигранта появилось в «Посеве», в номере за 22 января 1956 г.⁷ (тогда «Посев» печатался в газетном формате).

Замирание вольной периодики характерно не только для

1. Когда работа над публикацией была закончена, словник увеличился на 9 позиций, и, по состоянию на 21.08.2020, в нем насчитывается 234 названия.
2. Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания [Текст]: [в 3 ч.] / Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина; [науч. ред. Б.С.Итенберг]. — 2-е доп. и перераб. изд. — М.: Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина, 1981.
3. Все подсчеты выполнены К.Н.Поповым. Цифры приводятся по состоянию на 16.03.2020 года.
4. Если добавить к ним 6 изданий, вышедших в 1917—1920 гг., то их доля в московской выборке увеличится до 69%. Это соотношение заметно выше того, которое мы наблюдаем для всего корпуса, где доля изданий 1917—1929 гг. составляет около 69%.
5. Дано округленно, в точных цифрах отставание еще значительнее.
6. Особенно сильными национальные движения были в западных областях Украины и в балтийском регионе. До начала 1950-х сопротивление здесь носило вооруженный характер, партизанские соединения контролировали значительные территории, захватывали или получали из-за рубежа полиграфическое оборудование, выпускали агитационные материалы и периодику. С разгромом организованных формирований издательская активность сохранилась в среде городской молодежи. Группам преимущественно из студентов и старшеклассников иногда удавалось выпускать периодические издания, но уже нерегулярные и малотиражные. Такая практика не имела существенных отличий от общесоюзной.
7. Цит. корреспонденция «Тайные силы» (Посев. 1956. 22.01. № 3).
8. Студенты ЛГУ выпустили в 1952 г. два рукописных литературных альманаха — «Брынза» и «Съедим брынзу».
9. В российскую статистику 1955 года не включены 5 журналов, которые относятся к особому виду периодики. Она, хотя и выходила в свет в России, но была отголоском другой культуры — литовской. Издателями (с поправкой на рукописную «технологию») были литовцы-политзаключенные. Отсюда неожиданное для независимой периодической печати место выпуска — Коми АССР, там находился особый лагерь Минлаг. В 1951—1955 гг. в самой Литве известны как минимум 5 издательских попыток (4 газеты и один журнал). Журнал «Фигурный листок» в отличие от газет литовского сопротивления был на русском, его составителями были студенты Вильнюсского университета.

СКРИПКА БРОМБЕРГА — СТАЛА КНИГОЙ

➤ Окончание. Начало на с. 6

об антисемитской истерии в стране. Заодно можно и ознакомиться с омерзительными образцами антисемитской пропаганды, публиковавшейся тогда в советских газетах и журналах, вроде «Пини из Жмеринки» Ардаматского.

Последний раздел каталога — краткий обзор ситуации с «еврейским вопросом» в постсталин-

ском СССР. Подробно о выставке «30 октября» писала в № 152.

Каталог читается как хорошее учебное пособие по теме. Все описания в нем двуязычные — на русском и английском языках.

Второй раздел, «Статьи», включает в себя ряд авторских текстов, дополняющих собственно каталог. Статьи, написанные как сотрудниками «Мемориала», так и учеными из России, США и Канады,

охватывают темы интеграции еврейских активистов в советскую еврейскую культуру, попыток создания еврейских сельскохозяйственных поселений в Крыму в 1920—1930-х годах и политики советских властей по отношению к еврейским беженцам в Западной Белоруссии в 1939—1941 годах. Здесь же — «Крымское письмо» 1944 года с просьбой об организации на полуострове еврейской советской республики, история бегства из СССР в 1946 году большой группы религиозных евреев, свидетельства неофициальной памяти о Холокосте в послевоенном СССР.

Третий раздел — «Хроника основных событий» — начинается и заканчивается двумя актами, воспринятыми евреями как существенное облегчение их положения в России: отменой Временным правительством в марте 1917 года всех ограничений, наложенных на евреев, и отменой 80 лет спустя, в 1997 году, графы «национальность» в российском паспорте.

О том, как выглядит выставка, можно составить представление по фотографиям, размещенным на форзаце.

Единственный, пожалуй, недостаток книги — маленький тираж: всего 500 экземпляров.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.eu
специально для «30 октября»

На снимке: Обращение ЕАК в Музей революции для содействия подготовке выставки, 1946 г.

РЕГИОНЫ

МЯТЕЖНЫЙ МЕЛЕНКОВСКИЙ УЕЗД

➤ Окончание. Начало на с. 6

дом в 60 человек вновь отправился в Урваново. В мандате, выданном Смелову, говорилось, что он уполномочен «при подавлении мятежа применять самые беспощадные меры... вплоть до расстрела на месте, все незаконные сборища должны рассеивать оружием и пулетным огнем». По пути он узнал от крестьян, что утром конный отряд с автомобилем Муромской ЧК обстрелял толпу, пошедшую на него с вилами, и расстрелял звонивших в набат в селе Репино. Вторгшийся в соседний уезд Муромский отряд не стал соединяться с Меленковским, а вернулся назад, так как в соседнем уезде было так же неспокойно.

На этот раз Меленковский отряд встретили в Урванове с красным флагом и известием, что крестьяне подчиняются власти. Кулаки заплатили штраф 113 тысяч рублей.

В Репине, как сказано в отчете, «пришлось» ограничиться лишь наложением контрибуции (100 тыс. руб.), так как главари восстания

уже были расстреляны отрядом Муромской ЧК.

Расследованием причин восстания занимались председатель Меленковской ЧК Д.П.Смелов и секретарь ЧК Михаил Платонов, а также инструкторы Владимирской губчека Петр Петров и Павел Магничкин. Специальная следственная комиссия объехала в Урвановской волости осадное положение. Троиц урвановцев — братьев Андрея и Ивана Кузьминых, а также Петра Базина — за активное участие в мятеже расстреляли 17 ноября 1918 года.

Десятки селян были арестованы и отправлены в Меленковскую ЧК. Троиц из них позже расстреляли, в том числе инструктора всеобща, допустившего захват оружия бунтовщиками.

16 ноября 1918 года в Урвановскую волость из Меленок дополнительно вышел отряд в количестве 40 человек под руководством Назарова. Он усмирял крестьян и налагал контрибуции на жителей сел Шохино, Елино, Азовки и Верхозерье.

Комиссия продолжила свою работу в других населенных пунктах волости. Там было расстреляно еще четверо бунтовщиков. Арестовали и оштрафовали жителей сел Камишлово, Тургенево и Селино.

Так окончилась серия крестьянских выступлений в Меленковском уезде в 1918 году. А расстреливавший земляков председатель Меленковской ЧК Смелов в 1919 году ушел на фронт, был тяжело ранен и в 1921 году умер в 37-летнем возрасте в Меленках.

Что заставляло крестьян бороться с властями? Ответ можно найти в докладе Владимирского уездно-городского продовольственного комитета, составленном в 1921 году, где говорится, что «хождение по амбарам, обыски, несправедливость в сборах и пристрастие к некоторым лицам раздражали крестьянство.

И вот в волостях, местами, являлся ротом на тех лиц, которые, выполняя Государственную разверстку, ретиво, часто не входя в положение крестьянского хозяйства или в крестьянской семье, отбирали почти все продукты земледельческого труда.

Власть часто прибегала к вооруженной воинской силе, которая побывала в качестве так называемых продотрядов, держала граждан в страхе, заставляя вносить разверстку безоговорочно полностью или в большем количестве, чем на самом деле должен внести середняк.

К сожалению, осознание губельности подобной практики «военного коммунизма» произошло после трех лет братоубийственной войны, частью которой были крестьянские выступления во Владимирской губернии».

К еще большему сожалению, коммунистическая власть не только ничего не осознала, но вскоре многократно усилила репрессии против собственного народа. Продолжая руководствоваться утопической идеологией в политике, экономике и общественной жизни, довела страну до распада.

Александр МАСЛОВ,
Муромский «Мемориал»

На снимке: Полуразрушенная могила 12 красноармейцев в Меленках с несоответствующей надписью.

Фото из архива автора

АВГУСТОВСКИЕ И СЕНТЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1920. Август

В Верховном революционном трибунале в Москве состоялся один из самых громких политических процессов времен Гражданской войны — суд над лидерами антикоммунистического подполья. Среди подсудимых были историк С.П.Мельгунов, общественный деятель С.Н.Трубецкой и другие. В обстановке эйфории от наступления Красной армии на Европу приговор был относительно мягким: никого из подсудимых не приговорили к смертной казни. Большинство из них в 1922 г. были высланы за границу.

1930. 25 августа

Вследствие массовых волнений в Польше, организованных центристскими и левыми силами, новое правительство возглавил Юзеф Пилсудский. В стране развернулось преследование политической оппозиции: организованы судебные процессы и применяются силовые методы — избиения, интернирование без судебных решений.

1935. 20 августа

В Москве закрылся седьмой и последний конгресс Коминтерна, на котором был провозглашен курс на создание антифашистских народных фронтов. К участию в них приглашались все демократические партии. СССР придерживался этой политической линии 4 года — до августа 1939 г., когда был заключен пакт Молотова — Риббентропа.

1940. 4 августа

В Краслаге (лагерное отделение в поселке Нижний Ингаш Красноярского края) умер Абрам Рафаилович Гоц, один из лидеров партии эсеров. После Февральской революции 1917 г. он был членом исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, заместителем председателя ВЦИК первого созыва (июнь 1917 г.). После Октябрьской революции 1917 г. Гоц вел активную борьбу против советской власти. По итогам процесса 1922 г. приговорён к высшей мере наказания. Решением Президиума ВЦИК от 11 января 1924 г. высшая мера заменена 5 годами лишения свободы. В мае 1925 г. сослан на 3 года в Ульяновск. В июле 1925 г. арестован, приговорен к 2 годам тюремного заключения. По окончании срока отбывал ссылку в Ульяновске. В 1937 г. он был вновь арестован, а в 1939 г. приговорен к 25 годам лишения свободы.

20 августа

Один из вождей Октябрьской революции Лев Троцкий был смертельно ранен на вилле в окрестностях Мехико агентом НКВД Р. Меркадером. Он скончался на следующий день. Операция под кодовым названием «Утка», спланированная по личному указанию Сталина, готовилась более двух лет.

1945. 6, 9 августа

Японские города Хиросима и Нагасаки были полностью уничтожены в результате атомной бомбардировки, предпринятой США. Это было первое и единственное в истории применение атомного оружия в военных целях. Жертвами атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, по разным данным, стали от 150 до 250 тысяч человек, а последствия взрывов продолжают сказываться на здоровье потомков выживших.

1950. 1 августа

Представитель СССР Малик участвует в заседании Совета Безопасности ООН, что означает конец бойкота работы этого органа со стороны советской делегации.

1960. август

Советско-китайские отношения обострились из-за недовольства СССР маоистской политикой. Начался конфликт между двумя крупнейшими коммунистическими странами, который едва не привел к войне внутри коммунистического лагеря. Решением советского правительства тысячи советских специалистов, работавших во всех отраслях народного хозяйства КНР, были отозваны на родину. В печати об этом не сообщали.

1970. 12 августа

СССР и ФРГ заключили договор, по которому Западная Германия официально признала послевоенные границы СССР и Польши. Начался процесс разрядки между Востоком и Западом, который продолжился 9 лет, до вторжения СССР в Афганистан.

1975. 1 августа

В Хельсинки (Финляндия) руководители 33 европейских государств, США и Канады подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Третий раздел акта («гуманитарная корзина») содержал минимальные стандарты прав человека и стал правовой базой Хельсинкского движения.

18 августа

В Москве умер один из основателей партии социалистов-революционеров Аркадий Иванович Альтовский. Единственный участник суда над руководителями социалистов-революционеров (1922 г.), который пережил Сталина. Альтовский провел в неволе 36 лет (1920—1956 гг.).

1980. 8, 11, 13, 26, 28, 29 августа

В СССР состоялась серия процессов над советскими инакомыслящими. В Москве были осуждены правозащитники священник Глеб Якунин и Татьяна Великанова, в Краснодаре — пресвитер христиан веры евангельской — пятидесятников Николай Горетой, в Киеве — правозащитница Ольга Матусевич (Гейко), в Ровно — автор Самиздата Василий Барладяну, в Целинограде — политссыльный, член Национальной объединенной партии Армении Размик Маркосян, в Вильнюсе — правозащитник Альгирдас Статкявичюс.

1990. 11—12 августа

В Ленинграде прошла первая официальная встреча бывших советских политзаключенных 1950—1980-х гг. В ней приняли участие более 200 человек. На следующий день вышел Указ Президента СССР «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920—1950-х годов».

13 августа

Президент СССР издал указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920—1950-х годов». Впервые жертвами незаконных репрессий были признаны раскулаченные крестьяне. Однако указ не

успел стать законом до распада СССР. Процесс массовой реабилитации граждан СССР был запущен принятием подготовленного по инициативе «Мемориала» Закона о реабилитации в 1991 г. Процесс коснулся не только партийных деятелей, но и рядовых граждан Советского Союза.

Август

Президент СССР Горбачев своим указом возвратил советское гражданство 23 представителям третьей эмиграции: писателям Василию Аксе-

нову, Георгию Владимову, Льву Копелеву, Ирине Ратушинской, Александру Солженицыну; художнику Оскару Рабину; правозащитникам Георгию Винсу, Анатолию Корягину, Юрию Орлову, Миколу Руденко, Валерию Чалидзе и другим. Многие из этих людей были — в советской жизни — диссидентами, правозащитниками, политзаключенными и политссыльными. И покидали они родину в результате жестокого давления, которое оказывал на них правящий в стране тоталитарный режим. Многие из них вернулись в Россию.

2000. 22 августа

В Анкаре (Турция) в эмиграции умер Абульфаз Гадиргулу Оглу Эльчибей (настоящая фамилия — Алиев) — историк-востоковед, основатель подпольных групп, политзаключенный. В 1992 г. Эльчибей стал первым президентом независимого Азербайджана. Тяжелые последствия Карабахской войны и политические распри внутри страны вынудили его оставить пост президента во избежание гражданской войны. В результате переворота к власти пришел Г. Алиев.

1920. сентябрь—октябрь

В Тамбовской и Воронежской губерниях разгорелось крестьянское восстание, возглавляемое А.С.Антоновым. Оно было вызвано массовым недовольством крестьян политикой подрастерки — изъятием большей части урожая. Советская власть сохранялась лишь в городах этих губерний. Восстание было жестоко подавлено, в том числе с использованием химического оружия. Убиты и ранены со стороны повстанцев были свыше 11 тысяч человек. От рук мятежников в ходе Тамбовского восстания погибли свыше 2 тысяч красноармейцев.

1930. 24 сентября—2 октября

В Москве расстреляны 42 сотрудника центральных продовольственных и финансовых учреждений, обвиненных в «организации голода». Они были реабилитированы 26 сентября 1957 г.

1940. 13 сентября

Было создано Главное управление лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР. Управлению подчинилось до 200 тыс. заключенных. Оно руководило строительством Угличской и Рыбинской электростанций, Волго-Балтийского и Северо-Двинского каналов.

1945. 18 сентября

В Париже умер один из лидеров и теоретиков российского анархизма Всеволод Михайлович Эйхенбаум (псевдоним — Волин) — бывший руководитель политотдела повстанческой армии Нестора Махно. В январе 1920 г. он был арестован, но вскоре выпущен по соглашению советского правительства с Махно. Затем последовал повторный арест, но Волина освободил съезд Профинтерна, часть делегатов которого выступила за амнистию анархистов. В 1922 г. был выслан из РСФСР. В годы Второй мировой войны Эйхенбаум был участником Сопротивления.

1950. 16 сентября

МВД СССР опубликовало приказ об организации Средазгидростроя для строительства Главного Туркменского канала, плотин и гидроэлектростанций в Каракумах. 10 тысяч заключенных Каракумского ИТЛ участвовали в этом строительстве. В марте 1953 г. строительство было признано нерентабельным и прекращено, ИТЛ был закрыт.

1955. 9 сентября

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об амнистии лиц, сотрудничавших с немцами». «Особо отличившихся» карателей оставили за решеткой, а на волю отпустили осужденных за «измену родине, шпионаж, призыв к свержению советской власти и за недонесение об этих преступлениях». В результате на свободу вышли бывшие старосты, полицаи, жандармы и военнослужащие Русской освободительной армии генерала Власова. Она проводилась вместе с освобождением тысяч офицеров и солдат вермахта, отбывавших сроки по обвинению в военных преступлениях. Их возвращение в Германию было приурочено к первому визиту в СССР канцлера ФРГ К.Аденауэра.

1965. 4 сентября

В Киеве на премьерном показе фильма С.Параджанова «Тени забытых предков» писатели Иван Дзюба, Вячеслав Чорновил, Василь Стус, Михайлина Коцюбинская публично выступили против арестов в среде творческой интеллигенции Украины: в августе-сентябре 1965 г. в Республике были арестованы 25 инакомыслящих, в том числе Иван Светличный, Валентин Мороз, Панас Заливаха, Богдан и Михаил Горьни, Михаил Осадчий. Меры воздействия на участников акции были относительно мягкими: Стуса отчислили из аспирантуры, Чорновил лишился работы. А с Дзюбой провели беседу.

8 и 12 сентября

Органы госбезопасности арестовали писателей Андрея Синявского и Юлия Даниэля. Им предъявили обвинения по статье 70 УК РСФСР «антисоветская агитация и пропаганда» за публикации за границей своих художественных произведений. Андрей Синявский печатался под псевдонимом Абрам Терц, а Юлий Даниэль под псевдонимом Николай Аржак.

1970. 15 сентября

В Москве умер Юлиан Григорьевич Оксман — историк, филолог, узник сталинских лагерей (1936—1946 гг.). После освобождения одной из основных своих жизненных задач он считал «борьбу (пусть безнадежную) за разоблачение и изгнание из научных и литературных учреждений хотя бы наиболее гнусных из подручных палачей Ежова, Берии, Заковского, Рюмина и других». На научных и писательских собраниях, в зарубежных публикациях Оксман

разоблачал доносчиков. В 1964 г. был исключен из Союза писателей и уволен с работы.

1980. 4—7, 16—18 сентября

Суд в Калинин (ныне — Тверь) приговорил активиста Александра Огородникова, одного из руководителей Христианского семинара и редактора журнала «Община», к 6 годам лагерей и 5 годам ссылки. Спустя несколько дней там же состоялся суд над учеными Иосифом Дядькиным и Сергеем Горбачевым. Они обвинялись в изговетствии и распространении Самиздата (демографических работ Дядькина, книг зарубежных изданий, рукописи работы «Статисты»). Горбачев был приговорен к 2 годам, а Дядькин к 3 годам лагерей.

22—24 сентября

Вячеслав Бахмин — правозащитник, один из организаторов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — был приговорен московским судом по ст. 190

УК РСФСР за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, к 3 годам лагерей. Ему инкриминировалось изговетствие и распространение «Информационных бюллетеней» РК, распространение «антисоветской литературы» (в частности «Архипелага ГУЛаг»), а также обращение к Международному конгрессу психиатров в Голландию и письма, которые он посылал в психбольницы по поводу незаконных госпитализаций и других нарушений права.

1985. 19 сентября

Московский городской суд приговорил экономиста и писателя Льва Тимофеева за произведение, распространявшиеся в Самиздате, опубликованные за границей и передававшиеся радиостанциями «Свобода», «Голос Америки» и др. Тимофеев приговорен по ст. 70 УК РСФСР «Антисоветская агитация и пропаганда» к 6 годам лагерей и 5 годам ссылки.

1990. 9 сентября

В Подмоскowie, у станции Семхоз, был убит православный священник, религиозный просветитель, автор Самиздата Александр Мень. Он был одной из центральных фигур религиозного возрождения в период «перестройки». Убийство о. А.Меня до сих пор не раскрыто. «Общественное мнение свой приговор по этому делу давно вынесло: отец Александр убит по наущению КГБ. Бессмысленно упрекать общественное мнение: по отношению к Лубянке презумпция невиновности отсутствует», — пишет на своем сайте священник Яков Кротов.

На снимке: Митинг на одном из ростовских заводов.

Учредитель:

Международная общественная организация

«Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»*

* Внесен в реестр иностранных агентов, оспаривает это решение в судах

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:

129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180

Тел. редакции: (495)699-6478

E-mail: 30october@ccknot.info

В подготовке номера участвовали Я.З.Рачинский, А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов

Выпускающий редактор Н.В.Савельчева

Литературный редактор Ф.В.Шведовский

Корректор Г.В.Заславская

Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Газета «30 октября» № 157 от 20.10.2020 г. (август-сентябрь 2020). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.

Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно